

ВЛАДИМИР ШИГИН

ЗОЛОТО ДАЛЕКОГО ЯРКЕНДА

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Владимир Шигин

Золото далекого Яркенда

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2Рос=Рус)

Шигин В. В.

Золото далекого Яркенда / В. В. Шигин — «ВЕЧЕ»,
2025 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-5612-1

Новая книга Владимира Шигина посвящена малоизвестным страницам истории Сибири и Русской Америки XVIII—XIX веков. На основе архивных материалов автор рассказывает о «золотых» экспедициях в Сибирь Петра I, о судьбе генерал-губернатора Сибири Федора Соймонова, о невероятных приключениях на просторах Сибири, Аляски и в Калифорнии русских моряков: лейтенанта Хвостова и мичмана Давыдова, об открытиях почти забытого сегодня полярного исследователя Петра Анжу. Перелистайте страницы этой книги и узнайте о странствиях отважных прашуров, смело и дерзко шедших навстречу любым опасностям в мир приключений!

УДК 821.161.1-311.3

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5612-1

© Шигин В. В., 2025

© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Золото далекого Яркенда	6
Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	22
Глава четвертая	27
Глава пятая	34
Глава шестая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Владимир Виленович Шигин

Золото далекого Яркенда

© Шигин В.В., 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

Золото далекого Яркенда

Глава первая

Начало XVIII века ознаменовалось новым этапом продвижения России в дотоле почти неизвестные места Сибири. Причины этого продвижения были весьма практичными – поиски месторождений золота, в которых так нуждалась тогда Россия.

С началом войны со шведами мечта найти залежи золота в Сибири не оставляла Петра I. А подумать было над чем. Дело в том, что еще в мае 1714 года Петр получил неожиданное сообщение от сибирского генерал-губернатора князя Матвея Гагарина, что в далекой Кашгарии (ныне китайский Синьцзян) есть богатые золотые россыпи: «В калмыцком городке Яркенде промышляется песошное золото».

Можно только представить радость царя, в казне которого к этому времени остались только дохлые мыши. Увы, никто не мог и предположить, что в далеком Тобольске затевалась жуткая и кровавая афера.

Среди «своих» князь Гагарин говорил о хитрой придумке откровенно:

– Разумеется, ни в каком Яркенде никакого золота нет и в помине! Но вся закавыка в том, что ежели в забытой Богом Бухаре, где, окромя песков, ничего нет, вдруг сыскались золотые жилы, то в Сибири они должны быть и подавно!

«Свои» чесали затылки:

– Сибирь уж больно большая, надо конкретное место назвать!

– Я государю и назвал Яркенд-городок.

– Почему именно Яркенд?

– Потому что он на стороне джунгарской, и в том у нас с вами будет свой интерес!

При этом Гагарин испрашивал у царя позволения организовать и отправить на поиски несуществующего золота масштабную военную экспедицию. Знал сибирский генерал-губернатор, что Петр лихорадочно ищет любые источники доходов для вечно пустой казны, знал, что наверняка проглотит крючок с информацией о сибирском золоте так же, как проглотил крючок о золоте бухарском.

Генерал-губернатор просил у царя разрешения организовать военную экспедицию в составе двух-трех полков из сибирских рекрутских наборов, построить крепость у Ямышевского озера, а оттуда продолжить разведку и «делать иные городы». Помимо поиска золотых месторождений планировалось и расширение торговли.

Все грамотно рассчитал князь Матвей Гагарин, и решение об экспедиции в Южную Сибирь было для царя столь же закономерным, как и об экспедиции в Хиву.

После недолгих раздумий во главе сибирского «золотого» предприятия Петр решил поставить известного ему с детства преображенского капитана Ивана Бухгольца.

Преображенец происходил из служивых обрусевших немцев, переселившихся в Россию еще в начале XVII века. Службу воинскую начинал в потешном войске Петра, затем офицером гвардейского Преображенского полка. Боевое крещение принял в Азовских походах, прошел дорогами Северной войны. Был храбр и разумен. Петр Бухгольцу доверял и по службе продвигал.

В мае 1714 года Петр вызвал Бухгольца на галеру «Святая Наталья». Российской галерный флот в эту кампанию готовился к прорыву мимо Гангутского мыса в Балтийское море, поэтому всю весну Петр провел в Кронштадте и Ревеле.

Галера еще стояла во внутренней гавани, и на нее грузили припасы, ставили рангоут. Но соскучившийся по морю Петр уже перебрался в кормовую капитанскую каюту, наслаждаясь

морским видом из резных окон и ни с чем не сравнимым запахом моря, корабельной смолы и свежего ветра.

– Ну, что, Иван Дмитрич, не боишься морской болезни? – встретил царь прибывшего.

– Отнюдь, государь, галеры мне еще по делам азовским знакомы!

– Ну, тогда и карты в руки! – улыбнулся Петр, сразу перейдя к делу. – Поедешь в Тобольск, чтобы, двигаясь оттуда по Иртышу к Ямыш-озеру, завладеть городом Яркендом и искать в тамошних реках золотой песок.

– Так я, государь, в изыскательских делах не учен! – искренне изумился гвардейский капитан.

– То не твоя забота, – хмыкнул Петр. – Для поиска золота будут тебе соответствующие мастера дадены. Тебе же, Иван Дмитрич, надлежит тех мастеров охранять и строить новые крепости по реке Иртыш. Места, где строить, я на карте уже указал и названия сим нашим форпостам сибирский дал: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатинская да Усть-Каменогорская. Киргиз-кайсацкая степь есть всем азиатским странам и землям ключ и врата! И еще! Несмотря что наша экспедиция будет воинской, сам поход должен быть мирным. С Джунгарией войны не желаю.

Здесь же, на палубе «Святой Натальи», Петр произвел Бухгольца в подполковничий чин. Сказал так:

– Это тебе авансом, иди и служи!

22 мая новоиспеченный подполковник получил официальный Высочайший указ, где перечислялись задачи и определялись полномочия: «...Ехать в Тобольск и взять там у помянутого губернатора 1500 военных людей и с ними идти на Ямыш-озеро, где делать город. И пришед к тому месту, помянутых людей в ново построенной крепости и около нее, где это возможно, там расставить на зимовье для того, чтобы на будущую весну собравшись с теми людьми пойдете от Ямышево к реке Еркек».

Кроме этого царь лично составил подробные инструкции для предстоящего похода: «О завладении городом Еркеком и о искании золотого песку по реке Дарье» и «О песочном золоте в Бухарии, о чиненных для этого отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше...»

Следует сказать, что поиски золотых россыпей не являлись единственным мотивом затеваемой экспедиции. Для нее были и причины политические. Утверждая проект военной экспедиции, царь Петр, как мы уже говорили выше, планировал постройку целой системы укреплений на берегах Иртыша. Это было необходимо, чтобы отсечь земли Западной Сибири от джунгарских посягательств воинственных джунгаров. Россия распрямляла плечи, отвоевывая земли не только на балтийском берегу, но и в Южной Сибири...

* * *

Бухголец же, разобравшись с тем, что ему предстояло сделать, призадумался. И было от чего! Дело в том, что городок Яркенд, которым ему было велено овладеть, на тот момент находился на территории Джунгарского ханства и направление туда небольшого армейского отряда было как минимум опрометчиво и рискованно, ведь все могло кончиться большой войной. Но царские указы, как известно, подполковниками не обсуждаются. Их дело – сии указы исполнять, причем не за страх, а за совесть. Поэтому последующие два месяца Бухголец тщательно готовился к экспедиции, изучал маршрут и карты, подбирал надежных людей – основу будущего отряда. В Москву подполковник прибыл в августе с сержантом и семьей солдатами-преображенцами. Там принял под свое начало еще семь офицеров (двух капитанов, двух поручиков и трех прапорщиков) во главе с героем Полтавы майором Иваном Вельяминовым-Зерновым. Офицеров отбирала Военная коллегия, как знающих артиллерию, топографию, фортификацию и минералогию.

С этой малочисленной командой Бухгольц и отправился в Сибирь. Остальных людей предписано было набирать и обучать прямо на месте. Путь команды Бухгольца пролегал по рекам Москве, Оке и Волге, затем по Каме до устья реки Чусовой. В конце ноября 1714 года Бухгольц прибыл в Тобольск.

В ту пору был город Тобольск центром всей сибирской земли, так как именно через него шли все дороги на Восток. А потому там можно было встретить купцов вятских и казанских, торговцев из Великого Устюга и из Москвы. Здесь сбывали шелк, парчу и сушеные фрукты бухарцы и хивинцы. Буквально шесть лет назад Тобольск стал и административным центром самой обширной из российских губерний.

Губернаторствовал в ту пору в Тобольске князь Матвей Гагарин, человек предприимчивый, ума хитрого и изворотливого. Происходил Гагарин из старого боярского рода. При этом семейство Гагариных имело в Сибири славу недобрую. Отец нынешнего сибирского губернатора в свое время был воеводой в Нарыме и Березове, где правил жестоко и несправедливо. В отца пошли и его сыновья Иван да Матвей. Старший, Иван, воеводствовал в Нерчинске и Якутске, где сильно обижал бурят и дауров, притеснял и грабил купцов да ясачных иноземцев, а служилых людей разорял, не выдавая им жалованья и безвинно наказывая. Жадный до денег Иван и служивший под его началом младший брат Матвей прибрали к своим рукам помимо всего прочего всю торговлю с Китаем. При этом младший Гагарин отправлял, не уплачивая пошлин, собственные караваны. Разумеется, в конце концов попал Матвей Гагарин под следствие «о неуплате комиссионных купцу за покупку драгоценных камней в Китае», но выкрутился, дав взятки теми же камнями. После этой истории царь Петр из Сибири Матвея Гагарина все же отозвал, поручив в виде наказания надзор за строительством каналов и шлюзов, которые должны были соединить Волгу с Невой. Каналы Гагарин строил семь лет. Результатом его работы Петр остался доволен, подарив чарку «орехова дерева», самолично выточенную на токарном станке – знак особого расположения. Надо ли говорить, что Гагарин тут же заказал для чарки золотую оправу и весьма ею гордился, демонстрируя всем необычный царский подарок. Таким образом, «нерчинское недоразумение» было предано забвению, и в 1706 году Петр, учитывая сибирские познания князя, назначил его «начальным человеком» Сибирского приказа. Помимо этого уже в следующем году Гагарин получает престижную должность московского коменданта и ведет работы по укреплению Кремля и Китай-города на случай нападения шведов. И здесь Петр остается доволен делами Матвея Петровича. Затем следует новое назначение. Теперь Гагарин размещает по губерниям пленных шведов, которых с каждым годом становилось все больше, а лучших из них вербует на русскую службу.

Следует сказать, что за время службы в Сибири Матвей Гагарин сумел настолько обогатиться, что стал одним из богатейших людей России. При этом он своих богатств совершенно не скрывал. В Москве выписанный итальянский мастер строит ему четырехэтажный каменный особняк в особом венецианском стиле – под потолком особняка размещались огромные аквариумы с невиданной дотоле в России рыбой. По воспоминаниям современников «удивлял всех своей пышностью: за обеденным столом его подавали кушанье, в постные дни, на пятидесяти серебряных блюдах; колеса у карет были окованы серебром; подковы у лошадей серебряные и золотые; в московском доме, на Тверской, стены были зеркальные; образа, находившиеся в его спальне и обложенные бриллиантами, стоили, по свидетельству тогдашних ювелиров, более ста тридцати тысяч рублей». Еду гостям у Гагарина подавали не менее чем на сотне серебряных приборов. Ну а самый простой обед состоял из полусотни блюд. Так как арапами на Руси в ту пору было уже не удивить, Гагарин разыскал себе неведомого японца, который подавал за столом в шелковом кимоно. Не меньший по размерам дом князь отстроил себе и в Петербурге. Злые языки говорили, что только на украшение окладов икон он потратил по 130 тысяч рублей, сумму по тем временам баснословную. Ну чем не современный российский олигарх?

Однако Петр по-прежнему доверял Гагарину и в 1711 году назначил губернатором Сибирской губернии, включавшей в себя весь Урал, Сибирь, а также дальневосточные пределы. Причем полномочия нового губернатора были самые широкие. Как говорили знающие люди: «И пустил царь шуку в реку...»

Сделав своей столицей Тобольск, Гагарин развернул на первых порах бурную деятельность. По приказу царя князь отправил пленных шведов в Охотск, чтобы построили там морские суда и организовали морское сообщение Охотска с Камчаткой. Одновременно заложил в Тобольске каменный кремль, начал делать каменные мостовые, завел пороховой завод и кузнечный двор. В городе открыли светскую и духовную школы, кукольный театр и даже завели собственное книгопечатание. При Гагарине возросли сборы налогов, набирались рекруты, развивались отношения с восточными соседями. Помимо этого Гагарин непрерывно посылал Петру I экзотические подарки: китайский фарфор и ткани, драгоценные камни и кедровые деревья для царского сада, а также древнее скифское золото. Для поиска последнего Гагарин начал раскопки древних курганов по Тоболу, Иртышу и Енисею. Преобразованиям Гагарина и его подарками Петр был доволен, и звезда Гагарина пребывала в своем зените.

Но Матвей Гагарин был братом своего брата и сыном своего отца, а потому не мог жить без воровства. При этом воровал сибирский губернатор с размахом. Неудивительно, что в 1714 году царю поступила жалоба – Гагарина обвиняли в том, что он допускает к торговле с Китаем только своих друзей, вместе с которыми получает «превеликое богатство». На это Петр приказал Гагарину немедленно вывезти из Сибири всех родственников и друзей. Запахло новой опалой, и тогда Матвей Петрович, зная мечту царя о собственной золотодобыче, донес до его ушей легенду о яркендском золоте. Интрига сработала – царь идеей увлекся. Но не все получилось, как хотелось. Гагарин полагал, что поставит во главе экспедиции проверенного человека, в результате чего и овцы будут целы, и волки сыты. Но царь, сомневаясь в честности Гагарина, отрядил в начальники экспедиции одного из верных преображенцев, причем, как будто в насмешку над родовитым Гагариным, самого низкого происхождения – из обрусевших немцев.

Теперь, по распоряжению царя Петра, губернатор должен был к прибытию Бухгольца собрать ему экспедиционный корпус со всеми припасами. Бухголец же, вступив в командование, должен был отправиться на покорение новых земель, прибирая себе не только славу, а возможно, и немалые богатства. Было от чего кусать локти! Надо ли говорить, что после назначения Бухгольца энергия Гагарина изрядно поиссякла. Именно поэтому, к моменту приезда подполковника в будущий отряд собрано всего полторы тысячи народа, по большей части необученных рекрут и своенравных казаков. Ну а припасы князь Матвей Гагарин еще и не начал собирать.

Надо ли говорить, что первое знакомство Бухгольца с Гагариным вышло не слишком радостным. Один был недоволен невыполнением царского указа, второй – самим появлением царского назначенца. При этом история умалчивает, вспоминал ли, встречая Бухгольца, Гагарин о том, что инициатором затеваемой экспедиции был он сам. Как бы то ни было, но в первый же день приезда Бухгольца между губернатором и подполковником состоялось выяснение отношений. До разрыва дело не дошло, но оба остались друг другом весьма недовольны.

* * *

Теперь нам следует познакомиться с изрядно подзабытыми сегодня джунгарами. Сегодня мало кто уже и помнит, что в XVII–XVIII веках на участке территории между озером Балхаш, горами Тянь-Шань и верховьями Иртыша существовала кочевая держава ойратов – Джунгария, последний оплот былой монгольской славы. Джунгары во всем старались походить на своих великих предков. По старому монгольскому обычаю они выбривали головы, остававшиеся по

бокам длинные волосы сплетали в две косицы, концы которых связывали за ушами. Такими желал видеть своих воинов Великий Чингисхан. Такими желали видеть своих воинов и все его преемники по Великой степи.

В России начала XVIII века их часто именовали проще – калмыками, хотя от кочевавших в северном Прикаспии калмыков, джунгары (дербет ойрат улус) все же существенно отличались.

Зажатая между цинским Китаем, Россией и казахскими ханами Джунгария отчаянно боролась за свое существование, мечтая о возвращении былого могущества. Увы, к XVIII веку эпоха кочевых держав уже канула в Лету, и Джунгария была ее последним отголоском. Не раз Джунгария оказывалась на краю гибели, но всегда в критический момент чудом спасалась. Так было и в начале XVIII века, когда уже почти исчезнувшее кочевое ханство в очередной раз возродил ее правитель-хунтайджи Цыван-Рабдан.

Титул хунтайджи достался Цэвану-Рабдану нелегко, в результате нескольких мятежей против своего дяди. Это был хитрый политик и опытный воин. Внешне Цыван-Рабдан, по отзывам современников, был типичным монголом: узкие, широко посаженные глаза и веки под самыми бровями, широкие щеки в скулах и плоский нос. От окружавших его соплеменников его отличал лишь более богатый и чистый халат и украшенное золотом оружие.

При всех своих положительных для степного вождя качествах Цыван-Рабдан имел большой недостаток. Дело в том, что происходил он из рода Чоросов, а не Чингизидов. Разумеется, Чоросы в Великой степи были родом весьма старым и уважаемым, но все же они стояли намного ниже Чингизидов. Именно по этой причине Цыван-Рабдан не мог по праву рождения провозгласить себя полновластным ханом. На это имели право исключительно прямые потомки Чингиз-хана! И Цыван-Рабдан при всем своем авторитете и полновластии был вынужден довольствоваться более низким титулом повелителя – хунтайджи. В России титул хунтайджи почему-то повсеместно именовали контайшей. Поэтому в ряде исторических документов того времени мы встречаем именно этот «русифицированный» титул джунгарского владыки. Впрочем, ханский титул со временем стало можно получать из рук духовных авторитетов, например, от далай-ламы. Именно так стал впоследствии ханом Джунгарии преемник Цыван-Рабдана – Галдан Бошокту-хан. Но это будет позднее...

Население степей никогда не было однородным, поэтому и Джунгария помимо местных ойратов-монголов стала прибежищем многих иных племен. В прииртышскую степь бежали бухарцы, и хошшоуты, туркмены и татары. Когда джунгарцы отдыхали от набегов, то главным местом их торговли являлось пограничное Прииртышье. Особо многолюдно всегда было у Ямышевского озера, где добывалась соль. В мирные годы там каждое лето собиралось большое торжище, где продавалось и покупалось все, что душе угодно от рабов до пряников. Каких купцов там только не было: и русских, и бухарских, и калмыцких, и китайских.

Однако ни одна кочевая держава не может долго пребывать в состоянии мира. Любая кочевая держава может существовать, только непрерывно расширяясь, покоряя и обогащаясь. Иначе она погибнет. Поэтому если хан Аюка Санжип в свое время подчинил тетеутские улусы, то его преемник Цыван-Рабдан имел виды на Обь-Иртышское междуречье и Барабинскую степь, населенную татарами, формально принявшими российское подданство, но все еще платившими дань в Джунгарию.

Возглавивший Джунгарию после смерти своего дяди Галдан-Бошокту, хунтайджи (контайша) Цыван-Рабдан, вновь объединил четыре главных ойратских клана-аймака, восстановив уже почти было распавшееся ханство. При Цэване-Рабдане Джунгарское ханство установило дружеские связи с откочевавшими на Волгу калмыками. Энергичный хан укрепил центральную власть и экономику ханства, поощряя землепашество и развитие ремесел, промыслов и торговли. Под его началом ойратские войска уже нанесли не одно поражение казахским ханам и завоевали Восточный Туркестан. Но главным своим противником Цэван-Рабдан считал мань-

чжурских императоров династии Цин. Война между Цинской империей и Джунгарским ханством началась в 1715 году. Первое время она шла с переменным успехом, не давая явного перевеса ни одной из сторон. В 1717 году Цыван Рабдан захватил Тибет. В целом годы правления Цэван-Рабдана ознаменовались наивысшим ростом могущества Джунгарского ханства, которое, впрочем, оказалось весьма краткосрочным.

И Петр I, и Цыван-Рабдан стремились распространить свое влияние и на Казахское ханство. Казахские степи Петр рассматривал как стратегический плацдарм для дальнейшего торгового и политического проникновения на восток и юго-восток – в Кашгарию, Бухару, Туркестан, а там и в Китай с Индией. Джунгарский хунтайджи считал иначе...

Будучи сторонником независимости, новый хан отклонил неоднократные предложения китайского императора Сюаньэ стать «данником» богдыхана. При этом Цыван-Рабдан вел себя предельно дерзко, требуя от Китая вернуть все ранее захваченные земли. В Пекине, разумеется, отвергли эти требования. Со своей стороны, император настаивал на предоставлении самостоятельности каждому из четырех княжеств-аймаков, что означало ликвидацию Джунгарского ханства. Требования Цыван-Рабдана и позиция Пекина ускорили начало большой китайско-джунгарской войны. В преддверии неизбежного столкновения китайцы стремились заключить военный союз со всеми, кто мог им помочь в борьбе с ойратами, прежде всего с калмыками и казахами. Главную задачу в войне с джунгарами Пекин видел в том, чтобы навсегда прекратить их набеги на свои приграничные земли.

Надо сказать, что воинственные степные соседи доставляли неприятности не только Китаю, но и России. Так, еще в 1667 году джунгары осаждали Красноярск. С начала XVIII века набеги джунгар стали приносить русским владениям в Сибири все большее беспокойство. Кочевники постоянно угоняли скот, сжигали деревни, облагали данью население подданных России племен. Много бед от беспокойных джунгаров постоянно испытывали казахи и тюменские татары, обратившиеся в конце концов к Петру I с просьбой оказать помощь в противостоянии с давними врагами.

Это, а также постоянные посягательства джунгаров на степь между Иртышем и Обью нервировали Петербург, считавший тамошние земли своими, а казахов – союзниками. Поэтому, организовывая экспедицию Бухгольца, Петр хотел одним махом решить сразу несколько вопросов: найти обещанное князем Гагариным золото, а кроме этого, образумить коварных джунгаров, для чего надежно прикрыть наши восточные границы крепостями и гарнизонами.

Как мы уже говорили, отправляя Бухгольца, Петр желал решить дело с Джунгарией мирным путем. Шедшая в то время тяжелейшая война со Швецией не позволяла сосредоточить на восточных границах серьезные военные силы.

При этом Петр ранее уже не раз пытался урегулировать пограничные отношения с джунгарами. Так, в 1702 и 1703 годах он дважды посылал из Тобольска посольства в джунгарские степи с «реестрами» и претензиями, предлагая соседям, в свою очередь, высказать свои претензии, после чего сесть за стол переговоров. Но урегулировать конфликт дипломатическими средствами тогда не удалось. Едва российское посольство удалилось, как ойратские отряды снова появлялись в Туве, Хакасии и в Горном Алтае.

Из донесения в Сенат: «Приходили под Кузнецкой войною киргизские князцы... да контайши посланец... с улусными людьми. Жгли деревни и монастыри, побили и в полон побрали около 150 человек служилых людей, пашенных крестьян, выезджих белых калмыков, отогнали 5000 лошадей, в погоню за ними были посланы кузнецкие, томские и красноярские служилые люди».

В ответ на это Петр I указал воеводам Томска, Красноярска и Кузнецка «киргизских людей смирить войною тремя городами», после чего последовала серия походов русских войск против енисейских киргизов и их данников-кыштымов. В ответ Цыван-Рабдан в 1705 году

насиленно увел из Хакасии несколько тысяч енисейских киргизов, после чего конфликт сам собой утих.

Однако, как оказалось, ненадолго. Уже через пару лет под влиянием ухудшения джунгаро-китайских отношений Цыван-Рабдан начал изучать возможность откочевки своих орд в Горный Алтай, то есть на территорию России. В августе 1707 году выезжий телеут Алагыз сообщал воеводе Кузнецка, что к телеутам приезжали посланцы от хунтайджи «для досмотру земли: возможно ли контайше промеж рек Иртыша и Оби со всеми своими улусными людьми кочевать?» Эти сведения подтвердили ездившие в Горный Алтай сын боярский Ефим Кирилов и казак Алексей Буймов.

Следует отметить, что в начале XVIII века, как и ранее, продолжалось продвижение русских землепроходцев в глубь Сибири и к Тихому океану, освоение новых земель. В те годы русские казаки уже освоили Обь с ее притоком – Ояшей, Умревой и Чаусой, появились Уртамская и Умревинская слободы, а в устье Бии и Катунь встали первые остроги-крепости: Абаканский, Саянский, Чаусский, Бердский, Белоярский и Бийский. «В пристойном месте для збору ясашной казны и к селению пашенных крестьян» в верхнем Приобье была построена в 1709 году Бикаутская крепостица. После чего начались новые столкновения с ойратами. По большей части от кочевников удавалось отбиваться, но случалось и наоборот. Так, в 1709 году джунгары пошли в набег на город Кузнецк. Сам город им взять не удалось, но несколько деревень вокруг него сожгли. 23 августа в трех верстах от города служилые люди вступили в бой с кочевниками. «Божью милостию и... великого государя счастием» разгромили их, гнали 20 верст до рек Чюмыш и Черни, «побили» 3 князцов и 300 рядовых ойратов, а другие «от ран по лесам многие померли». Служилые отбили русских и ясачных «полоненников» и 677 лошадей.

В 1710 году джунгарский зайсан Духар с четырьмя тысячами всадников снова напал на Кузнецк-городок, разорив восемь подгородных деревень, а затем захватил и сжег Бикатунскую крепость. Пока собирали войско для отпора, джунгаров и след простыл...

Именно в этих непростых условиях в мае 1714 года Гагарин предложил план похода за «песошным золотом».

Следует сказать, что, обрадовавшись возможности найти сибирские золото, Петр мыслил стратегически.

Его идея создания линии пограничных крепостей по Иртышу до озера Зайсан была весьма здравая и своевременная. В случае появления этих крепостей джунгарам, несомненно, пришлось бы убираться в южные степи. При этом следует признать, что идея Гагарина о расширении торговли и поиске рудных месторождений с помощью военной экспедиции выглядела сомнительно. Гагарин фактически обманул царя, сообщив, что джунгарский хунтайджи Цыван-Рабдан... склоняется к принятию российского подданства. На каких основаниях сибирский губернатор сделал такой вывод, совершенно непонятно, так как хунтайджи, наоборот, ежегодно посылал новые и новые отряды в набеги на русское приграничье.

В 1713 году князь Матвей Гагарин попытался нормализовать отношения с Джунгарией, направив послание Цыван-Рабдану. В послании он писал, что барабинские татары – «вечные царского величества» подданные, требовал прекращения джунгарами сбора алмана (дани) с населения барабинских волостей, возвращения взятых под Кузнецком пленных, угнанного скота и наказания виновных в разорении Бикатунской крепости.

На это хунтайджи прислал дерзкий ответ: «Барабинцы... искони вечно люди мои... На реке Катунс город построили (Бикатунскую крепость. – В.Ш.) и та земля наша... и для того тот город разорен и впредь на том месте город строить не подобает». Вслед за этим хунтайджи представил свой «реестр обид», причиненных русскими властями джунгарским подданным.

В 1714 году осмелевший Цыван-Рабдан заявил свои претензии уже на всю территорию Красноярского, Кузнецкого, Томского уездов и на Барабинскую степь. Претензии он выражал

набегами, в которых грабил и убивал, жег хлеба и разорял жилища. В набегах участвовали и союзные ему черные и белые калмыки (ойраты и телеуты).

В те дни, когда царь Петр наставлял подполковника Бухгольца и сам подполковник добирался до Тобольска, на Алтае объявился тайша (вождь рода) Церен-Дондоба с большим войском, чтобы снова показать русским свою силу и попытать счастье, напав на Кузнецк. Однако, прослышав о затеваемой князем Гагариным большой военной экспедиции, Церен-Дондоба от своих планов отказался и ушел к Ямышевскому озеру.

Что и говорить, экспедиция Петра за золотом была затеяна в очень беспокойное время.

Глава вторая

Столица Сибири город Тобольск располагался на берегу Иртыша и впадающей в него речки Курдюмки. У Тобольска Иртыш изгибался широкой излучиной подле Алафейской горной гряды. На высоком холме, прозванном Паниным бугром, располагался каменный кремль с мощными башнями, посреди кремля пятиглавый Софийский собор – главный храм русской Сибири. На Троицком мысу – дворец генерал-губернатора, отстроенный мастером Степаном Ремезовым по образцу царского дворца в Коломенском, с явным намеком, что мы тут в Сибири сами себе хозяева! Рядом с губернаторским дворцом дома чиновников и богатых купцов да армейские казармы. У самого откоса знаменитый на всю Сибирь «Красный кабак», пивоварня, соляные, винные, хлебные и прочие амбары да харчевни. Против Богородицкой церкви – рынок.

Нижняя часть Тобольска, располагавшаяся у берега под Паниным бугром, никаких укреплений не имела, за исключением разве что Знаменского монастыря. Здесь жил простой люд. Посад перешагнул речку Курдюмку и, ограниченный в своем развитии на западе Иртышом, а на востоке Паниным бугром, устремился на юг до Козьего болота. Избы посадские – сплошь деревянные и глинобитные с плоскими земляными крышами. При каждой избе обязательные колодец, баня и сарай. Жили в посаде гарнизонные и отставные солдаты с семьями, служилые казаки, посадские и цеховые ремесленники, разночинцы да ямщики. Улицы тобольские узки и извилисты, потому что как кто хотел, тот так и селился. Названия улиц были: Захребетная, Немчинова, Кожевникова, Стрелошная, Толбузина, Березовская да Юртовская. Отдельно располагалась татарская слобода с юртами. Главной бедой Тобольска были пожары. Порой в огне гибло до полутысячи дворов. Виновниками пожаров, как правило, были татары, разводящие открытый огонь в своей слободе. Их наказывали, но проходило время, и все повторялось. Впрочем, отстраивались быстро, благо леса в Сибири всегда хватало.

В праздничные дни, после богослужения, князь Гагарин любил проехаться верхом по главной улице – Большой Знаменской, что шла вдоль Иртыша к мосту через речку Курдюмку, мимо Кузнечного двора до Базарного взвоза и торговой Московской улицы, чтобы посмотреть на новые товары, поговорить с купцами, ну и похвалить какой-нибудь стоящий товар. А коль губернатор похвалит, то купец по традиции сибирской обязан одарить его понравившейся вещью. По этой причине князь Матвей Петрович на похвалы не скупился.

Назначенный вместо привычного воеводы генерал-губернатором Сибири князь Матвей Гагарин жил, как всегда, на широкую ногу. Из Москвы привез несчетные сундуки с дорогой посудой, венецианские зеркала, фламандское кружевное постельное белье, французскую мебель – секреты и комоды с накладками из веджвудского фарфора, персидские ковры и огромную библиотеку. Но более всего потрясла сибиряков позолоченная карета, какой в здешних краях отроду не видывали.

Надо прямо сказать, что должность у Матвея Гагарина была весьма и весьма хлопотливая. Сибирь, она ведь настолько величественна и самодостаточна, что имеет свою собственную таможню с остальной Россией. При этом Сибирь настолько преогромна, что сам Гагарин смутно представлял, где его владения начинались и, тем более, где заканчивались. Да и заканчивается ли где-то вообще Сибирь?

Это в обычной российской губернии губернаторы и чиновники, получая царские и сенатские указы, тут же спешили исполнить начертанное там. В Сибири такое было немыслимо, ибо пока всех воевод оповестишь, тут уже новая стопа указов на столе, которые предыдущие указы исправляют и отменяют. А там уже и третьи везут... По этой причине никто ничего никогда в Сибири исполнять не торопился. А чего тропиться, когда в любую сторону три года скакать, не доскакать.

Да и сибиряки были не чета рязанцам да ярославцам, которые готовы безропотно исполнить любой барский каприз. Здесь чуть что не по нраву – сразу или нож в бок, или дубиной промеж глаз, а то и вовсе выехал из дома человек и пропал. А куда пропал среди тайги, кто ж его знает. Может, медведь задрал, а может, кто и счета старые с ним свел. Поэтому, получая царские да сенатские указы да пересылая их копии воеводам, понимал опытный Гагарин, что нелегко будет собрать новые налоги, потому как еще и старые не выбили. Уж больно сибирский народ строптив и вольнолюбив. В то же время обогатиться в Сибири, если делать все с умом, можно было куда быстрее, чем где-либо еще. Не зря ведь тогда говорили: Сибирь – золотое дно! Однако и фискалы царские, зная об этом, только и ждали, чтобы губернатор сибирский или кто из его воевод промашку допустил, чтобы тут же руки в кандалы – и на дыбу. Что и говорить, в Сибири всего было в избытке, и просторов, и богатств, и страха...

Управлять Сибирью князю Гагарину помогали четыре новых помощника: обер-комендант занимался делами армейскими, обер-комиссар – финансовыми, обер-провиант – продовольственными, и, наконец, выборный ландрихтер – судебными. Сам же генерал-губернатор осуществлял власть верховную, подчиняясь только царю.

Впрочем, насладиться полной властью получалось не всегда. Вот совсем недавно в Тобольск проездом из Китая приехал торговый агент – поручик-инженер Лаврентий Ланге. Учитывая близость Ланге к царю, Гагарин был вынужден общаться с ним почтительно, Хотя, думается, в душе плевался. Еще бы! Ланге был из шведов-«каролинов». В 1709 году корнет Лоренц Ланге попал в плен под Полтавой. Но вскоре поступил на русскую службу, приглянувшись царю Петру инженерными познаниями. Получив чин поручика, Ланге сменил имя на Лаврентия, выучил вначале русский язык, а затем и китайский., после чего был неоднократно направляем Петром в Китай для решения политических и торговых вопросов. Вот и в этот раз Ланге вез царю китайские шелка и мебель для Петергофского дворца. В Тобольске Ланге задержался больше обычного, общался со своими соотечественниками-пленными шведами, самым нуждающимся из которых устраивал хорошие обеды, а кое-кого ссудил и деньгами.

Гагарин к Ланге относился с подозрением. Во-первых, швед, кто знает, что у этого «каролина» на уме? Во-вторых, угощая своих дружков, Ланге вполне может прознать что-нибудь лишнее, а потом при встрече царю и выболтать. По этой причине старался Гагарин торгового агента держать к себе поближе. А 27 июня, в очередную годовщину Полтавской победы, решил князь и вовсе затеять небывалое. Прямо во дворе своего дворца он накрыл столы для всех участников достопамятной баталии. Но так как русских участников сражения в Тобольске не было, то стол получился исключительно для пленных шведов, во главе с торговым агентом Ланге. Из сибирской летописи: «Гагарин велел выставить перед своими палатами для народа и шведских пленных много бочек с вином, водкою, медом и пивом и достаточное количество кушанья. После богатого пира Ланге проникся к Гагарину большой приязнью, и расстались они вполне по-приятельски».

Только Матвей Петрович царского агента спровадил и дух перевел, как снова тревожная весть – едет к нему в Тобольск преображенский подполковник Иван Бухгольц. Причина приезда понятна, Гагарин сам ее и инициировал. Сам писал Петру о золотых россыпях в далеком Яркенде, сам представил царю проект строительства Иртышской линии. Но гвардейских офицеров князь боялся. Уж больно были они близки к царю, считая себя чуть ли не его первыми советчиками. Да и сам Петр гвардейцев всячески привечал, личные поручения давая, а уж наградами осыпал всегда вообще выше положенного. Теперь вот именно такой соглядатай направлялся в Тобольск, чтобы жить под губернаторским боком и везде нос свой совать. Спасение от преображенца могло быть только одно – как можно скорее спровадить его в джунгарские степи, где тот или золото найдет, или голову сложит.

* * *

В момент приезда подполковника Бухгольца в Тобольск там находились очередные джунгарские послы, ждавшие ответа князя Гагарина на претензии хунтайджи. Прознав, что русские замышляют военный поход, послы обратились за разъяснениями к генерал-губернатору. В ответ Гагарин уверил джунгарцев, что поход совершается «не для войны, но только для смотра некоторых крепостей» по реке Иртышу. После этого послы потребовали пропустить их в Москву, но это требование Гагариным было отклонено. Недовольные оказанным приемом, ходом переговоров, а главное, затеваемым военным походом джунгарцы поспешили в обратный путь.

Впрочем, перед отъездом они попросились на прием к генерал-губернатору. Во время разговора князь Гагарин еще раз уведомил посланцев о целях и задачах экспедиции. Те же, в свою очередь, от имени хунтайджи пообещали, что со стороны Джунгарии отряду Бухгольца никаких препятствий не будет. Неизвестно, произвели ли обещания джунгарцев впечатление на Гагарина, поверил ли им Бухголец, да и были ли у посланников вообще полномочия, чтобы делать столь важные заявления?

Так как отныне непосредственным начальником подполковника все же был Гагарин, последний и вручил Бухгольцу свой личный наказ на отношения к джунгарцам во время похода. В наказе значилось, что если джунгарцы не будут давать возможности строить крепости, то «прося от Бога помощи, противиться, как можно всеми людьми».

Бухголец наказ прочитал, в руках покрутил и так, и сяк. Спросил:

– Ну а ежели сильнее нас будет, что тогда делать?

– Надлежит тогда писать мне, а я уж вышлю людей в подмогу.

– Так пока ваши люди до нас доберутся, нам всем давно карачун сделают, – скривился подполковник.

– Все под Богом ходим! – философски ответил Гагарин.

– То, что мне удалось узнать о Джунгарии, говорит о ней как о сильном и большом царстве, против которого воевать следует по-настоящему. Ну а если мы сего не хотим, то и задирать не следует!

– Господин подполковник! – не слишком вежливо оборвал Бухгольца губернатор. – Я о джунгарах слышан поболее вас и скажу, что никакой войны между нами и ними не будет. Появление русского отряда с пушками и фузеями разом их уgomонит и усмирит. Вам и стрелять-то не придется! Только погрозить немного.

– Ваши бы слова, да Богу в уши! – только и нашелся что сказать подполковник.

Кто мог тогда знать, что, иницилируя посылку отряда Бухгольца на границу Джунгарии, князь Матвей Гагарин преследовал, прежде всего, свой личный интерес, давно имея личный процент с китайской торговли. Поэтому, когда в Тобольск прибыли под видом купцов посланцы императора Канси (Шэн-цзу), сибирский губернатор не мог им отказать. А просили послы-лазутчики ни много ни мало, а скорейшей посылки на границы Джунгарии русских войск, чтобы те отвлекли воинственных джунгар от границы китайской. Что тут сказать, китайцы со своей задачей справились блестяще. Говорят, что именно они и вложили в уши Гагарину историю о золотых реках в Джунгарии...

Отметим важную особенность, в отличие от экспедиции Бековича, снаряжая экспедицию Бухгольца, Петр жестко приказывает сибирскому губернатору снабдить ее всем необходимым из собственного кармана. Знал, что далеко не последнее отдаст.

* * *

Что касается Бухгольца, то, приехав в Тобольск, он первым делом познакомился с местным купцом Семеном Ремезовым, человеком в Сибири весьма авторитетным. Начинать сколь-нибудь серьезное дело в Тобольске, без одобрения со стороны Ремезова было бы просто невозможно. Преуспевающий купец и исключительно толковый и предприимчивый человек, он был знающ и в ремеслах, и в науках. Личность Ремезова в дальнейшем нашем повествовании достаточно важна, поэтому расскажем о нем подробнее, тем более что он того стоит. Семен Ремезов был сыном стрелецкого сотника из сибирских бояр. Таким образом, Ремезов принадлежал к тогдашнему высшему местному сословию, а потому получил хорошее начальное образование. Сам он начал службу казаком Ишимского полка, но сделать карьеру не получилось. Ремезов-старший вскоре попал в опалу тогдашнему сибирскому воеводе Годунову и семейство Ремезовых в полном составе было отправлено на долгих двенадцать лет в забытый Богом и людьми городок Березов, что на берегу Северной Сосьвы. Но жизнь на этом для Семена Ремезова не закончилась. За годы, прожитые в Березове, он женился, стал отцом трех сыновей. При этом Ремезов много читал и пристрастился к рисованию, а также составлению всяческих чертежей.

Когда же в 1682 году власть в Сибири сменилась, Семен добился перевода в Тобольск для продолжения государственной службы. Отметим, что служил он старательно. Не раз отличился в походах и сражениях против разбойных татар и вогуличей. При этом не прекращал своих чертежных упражнений. Это редкое по тем временам увлечение не осталось без внимания начальства, и в 1689 году Семен уже аттестовался тобольским воеводой Головиным как опытный чертежник. По поручению воеводы Ремезов рисует эмблемы полковых знамен для сибирских полков. Поручение важное и весьма почетное! Пробовал свои силы Ремезов и в иконописи, что вызвало уважение к нему уже местного митрополита. Впрочем, боярский сын не забывал и о себе. Торговые дела, которыми занялась семья Ремезовых, шли весьма успешно. В 1697 году Семену Ремезову поручается и строительство в Тобольске первого каменного сибирского кремля. Однако, едва предприимчивый купец взялся за работу, стало ясно, что знаний и опыта для столь сложного дела у него нет. Посему с разрешения воеводы вместе с сыном Семеном-младшим Ремезов отправился в Москву. Там почтенный отец семейства, как обычный школяр, прилежно учился «строению каменных дел», кроме этого живо интересовался картографией, тщательно изучал и копировал в Оружейной палате старые сибирские карты. Вернувшись в Тобольск, он уже со знанием дела составлял чертежи каменных построек, рассчитывал сметы работ, занимался добычей глины и извести, строил печи для обжига кирпичей. Фактически Ремезов совмещал в одном лице всех: и инженера, и экономиста, и прораба. Но кремль он строит днем, ночами же корпит над старыми сибирскими картами. А после возведения кремля предпринял ряд поездок по Сибири. Во время поездок по прикамским землям Ремезов нашел и описал знаменитую Кунгурскую пещеру. А затем вместе с сыном Леонтием для облегчения перевозки уральского железа в центральные части страны составил «Чертеж земли Кунгурского города». В последующие годы помимо дел купеческих Ремезов с сыновьями занимался сбором чертежей городов и рек Сибири. Часть рисунков и карт он скопировал, еще будучи в Москве. Теперь же уточнял их и чертил новые. В 1703 году Ремезов создал «Чертежную книгу Сибири», включавшую 23 большие карты, охватывающие большинство земель сибирских – труд поистинепреважнейший и титанический!

Надо ли говорить, что назначенный в 1711 году губернатором Сибири Матвей Гагарин сразу же приблизил к себе столь авторитетного и знающего человека, как Ремезов, сделав его едва ли не главным своим советчиком. Тесной дружбы меж ними быть не могло, уж больно они были разные, но сотрудничали тесно, так как оба друг в друге нуждались.

От Гагарина Ремезов получил монополию на строительство каменных зданий в Тобольске по собственным чертежам – дело весьма выгодное. Но первый сибирский картограф думал не только о собственной выгоде.

– Хочу поставить в нашем кремле ворота парадные – Дмитровские, чтобы была у нас собственная триумфальная арка в память о подвиге Ермака и других покорителей сибирских! – заявил он генерал-губернатору.

– Увы, но на сии красоты денег в казне не предусмотрено! – развел руками генерал-губернатор.

– Деньги я найду! Наш брат-купец Ермаку Тимофеевичу всем обязан, так что и не сомневайтесь.

Гагарин, разумеется, после таких обещаний, разрешение дал, и триумфальная арка в честь Ермака была воздвигнута.

Но одним Тобольском замыслы Ремезова не ограничивались. Так, в Тюмени, в Троицком монастыре, по его проекту была построена Петропавловская церковь.

Последнее время, по поручению князя Гагарина, Ремезов составлял план казенного металлургического Каменского завода, чертил чертежи оборудования по производству пушек и ядер. Одновременно ему же было поручено искать залежи селитры и строить пороховой завод.

Надо ли говорить, что, замышляя столь трудное дело, как поход в неведомые степные края, Бухгольцу нужны были знания и советы такого человека, как Семен Ремезов. Сошлись они, однако, небыстро. Сибиряки – народ осторожный, кого попадая к себе не подпускают. Некоторое время Ремезов к Бухгольцу присматривался, что за гусь? Но потом постепенно оттаял и стал даже приглашать к себе вечерние чаи погонять да о делах всяческих поболтать. Так постепенно и прилаживались. На этих ремезовских посиделках узнал Бухголец о Сибири и прилегающих к ней землях столько, сколько бы никогда не узнал, проживи в Тобольске хоть несколько лет.

– Все, что вы рассказываете мне, Семен Ульянович, столь бесценно, что не знаю, как и благодарить! – не раз говорил он хозяину.

Тот лишь оглаживал сивую бороду, попивая с блюдца кипяточный чай, да шурил зоркий глаз:

– Тут благодарить нечего, не для себя радеем, а за Отечество наше!

К декабрю 1714 года Бухголец окончательно удостоверился, что для выполнения задач, поставленных царем, потребуется гораздо больше сил, чем те полторы тысячи драгун и казаков, которые были обозначены в указе. Понимая, что медлить нельзя, Бухголец написал обстоятельное письмо Петру I, прося его приказать Гагарину, чтобы тот выделил дополнительных рекрутов, из которых после обучения можно было бы составлять гарнизоны будущих крепостей.

Всю зиму подполковник Бухголец занимался подготовкой к походу. Был объявлен набор желающих идти с отрядом вверх по Иртышу «на новые земли». Заготавливалось продовольствие, порох, пули и оружие, сколачивались лодки-дощаники, закупалось все, что должно было пригодиться для сооружения острога и дальнейшего следования в верховья Иртыша.

Особенно много мороки было с набранными гагариными рекрутами, которых приходилось учить военному делу с самых азов. Этим занимались большей частью сержант с семью опытными солдатами-преображенцами, но их было слишком мало, чтобы всех всему хорошо обучить: «зимою и весною нынешней принимал и муштровал и всякую амуницию делал и пушки лили...»

Уже перед убытием из Тобольска Бухголец писал кабинет-секретарю царя Макарову, что он прожил в Тобольске восемь месяцев, получая рекрутов «...таких, которые ничего экзерциции не знали и не стреливали и с негодным ружьем, и у них ничего воинского не было».

В Тюмени Бухгольц заказал пушки. С огромными усилиями удалось сформировать два пехотных и один драгунский полк неполного состава. Если с набором солдат как-то вопрос решался, то с офицерским составом все было совсем худо. Поэтому во главе полков Бухгольц решил ставить капитанов, а во главе батальонов – прапорщиков, что касается рот, то их возглавили солдаты-преображенцы. Однако и это проблем не решало. На три новых полноценных полка всего-то пара десятков преображенцев... Все можно было решить с привлечением в полки находящихся в Сибири пленных шведов, но здесь все упиралось в бюрократические препоны. Дело в том, что Петр I ввел ограничения по набору пленных шведских офицеров в экспедицию – не больше трети от общего офицерского состава бригады. По солдатам, кстати, такого ограничения не было. Поэтому, когда Бухгольц начал склонять шведов для похода на Яркенд, то оказалось, что в Тобольске все пленные шведы, уже состоявшие в русском войске Сибири, являлись офицерами. Дело в том, что, заманивая пленных шведов на русскую службу (до окончания войны между Швецией и Россией), каждого офицера повышали в звании на один чин, а солдатам давали низшие офицерские звания. Не видя иного выхода, Бухгольцу пришлось обращаться за послаблением в Петербург. И в столице разрешение набирать в свои полки шведов низших офицерских званий было в конце концов дано.

* * *

В те дни политические отношения России и Англии были как никогда близкими. Тому были объективные причины. Россия являлась для Англии чрезвычайно выгодным партнером, и их геополитические интересы пока еще не противоречили друг другу. Да, Россия пыталась расширить свои восточные границы, но делала это еще робко и, главное, пока не слишком удачно.

Неожиданная смерть в августе 1714 года английской королевы Анны Стюарт и воцарение Георга I оказались для царя Петра приятным сюрпризом. Еще в 1710 году царь заключил договор с Ганноверским курфюршеством и его правителем Георгом-Людвигом, пообещав тому приобрести шведские Бремен и Верден. В Англии отнеслись к этому союзу прохладно. Тогда Петр поставил перед собой амбициозную задачу – втянуть Англию в войну со Швецией. Но для этого требовалась хитроумная интрига. Для начала Петр отлучил англичан от столь любимого ими Архангельска. Сделал он это весьма эффектно. В указе от 31 октября 1713 года было велено привозить отныне для продажи товары исключительно в Санкт-Петербург, а не в Архангельск. Одновременно в Санкт-Петербург следовало свозить все товары, интересующие англичан: корабельную древесину, икру, клей, поташ, смолу, щетину, ревень, юфть и пеньку. В начале 1714 года вышел еще один указ, согласно которому в Санкт-Петербург требовалось доставлять ровно столько пеньки, сколько в прежние годы привозилось в Архангельск. Получалось, что с 1714 года приобрести все эти товары морские державы могли лишь в Петербурге.

Деваться было некуда, и голландские и английские купцы направились в Петербург. Ну а в пути их уже поджидали шведские каперы, буквально за несколько недель захватившие 24 голландских и 20 английских судов. В ответ на это пиратство в британском парламенте поднялась волна возмущения. Депутаты потребовали отправить на Балтику английский флот и проучить зарвавшихся шведов. В свою очередь, шведский король Карл XII, узнав, что Голландия и Англия торгуют с русскими через Балтийское море, издал «крейсерский и конвойный акт», повелевавший захватывать британские торговые суда, перевозящие товары в Россию.

Что касается Петра, то он продемонстрировал полную поддержку королю Георгу и голландскому великому пенсионарию Антонию Хайнсиусу. Одновременно Петр через агентов исподволь известил шведского короля Карла о секретном договоре между Россией и Ганновером, согласно которому Англия якобы претендовала на шведские земли в Германии. Взбешен-

ный коварством Северного Альбиона, Карл кинулся в заговоры якобитов, мечтая свергнуть ганноверскую династию и изменить политику Лондона. В ответ британцы и голландцы направили на Балтику свои эскадры и... стали союзниками России и Дании.

В морскую кампанию 1715 года Петр I поднял свой штандарт на новейшем 64-пушечном корабле «Ингерманланд» и участвовал в крейсеровании эскадры в Финском заливе. К радости царя, в Финский залив для защиты своих торговых судов пришла и английская эскадра адмирала Норриса.

К удивлению английского адмирала, пригласив его к себе, Петр особо заинтересовался его плаваниями в Ост-Индию и вообще вопросами, связанными с Индией. Джон Норрис был человеком многоопытным. За игрой в шахматы в салоне «Ингерманланда» он задал каверзный вопрос:

– Не думает ли ваше величество в будущем и самому добратся до индийских пределов?

– Пока меня больше занимает закаспийские ханства и джунгарские степи! – ответил царь, сделав ход слоном.

Норрис, делая ответный ход, изучающе посмотрел на Петра:

– У России великое будущее, поэтому рано или поздно, но вы обязательно заинтересуетесь Индией.

Теперь уже Петр поднял глаза на своего визави:

– Надеюсь, если даже это и произойдет, мы останемся в союзниках британской короны.

Царь двинул фигуру и откинулся в кресле.

– Хотелось бы верить, – вздохнул английский адмирал, переставив ладью. – Но мой опыт говорит, что Лондон не терпит соперников ни в чем. Боюсь, что день, когда там узнают о ваших планах на Индию, станет последним днем дружбы между нашими державами. В этот день вы сразу перейдете из союзников в разряд наших самых злейших врагов.

– Надеюсь, до этого еще далеко! – окинул Петр взглядом шахматную доску. – В большой политике, как в шахматной игре, все решает мастерство и опыт. Вам шах, господин адмирал!

– Честно говоря, я не хотел бы, чтобы наши державы когда-нибудь начали между собой игру за Индию, так как это было бы для обеих сторон очень долгое и изнуряющее противостояние! Ну а в этой игре я, кажется, уже проиграл.

– На сей раз вы правы, – двинул Петр вперед ферзя. – Вам мат!

После этого царь пригласил британского адмирала отобедать чем Бог послал и только после этого отпустил, лично проводив до парадного шторм-трапа.

В тот же вечер Петр получил письмо подполковника Бухгольца, в котором тот просил увеличить численность его отряда, и сразу же продиктовал ответное письмо Гагарину, в котором велел приложить все возможное старание для содействия Бухгольцу в исполнении его просьбы.

До начала противостояния России и Англии в Средней Азии еще очень далеко, но первые разговоры об этом уже начались. «Ингерманланд» слегка качнуло на пологой балтийской волне. В серой промозглой дымке угадывались острия кирх Ревеля. Наполнив паруса попутным ветром, союзная русско-английская эскадра взяла курс на выход из Финского залива...

* * *

До середины следующего лета в Тобольске стучали топоры и визжали пилы – строилась речная флотилия. Ржали кони и голосили верблюды – свозились припасы. Ценой немалых усилий были собраны и обучены два полка пехоты, 700 драгун, артиллерийская команда и семь десятков мастеровых, умеющих строить речные суда и полевые укрепления, слесарить и кузнечить. В качестве мастеровых было взято немало пленных шведов, «которые искусны инженерству, артиллерии и которые в минералах разумеют». Для бедствующих «каролинов» это

был шанс поправить свое материальное положение. Всего три тысячи людей с амуницией, провиантом и снарядами. В целом отряд (а точнее, экспедиционный корпус) Бухгольца по своей численности и структуре напоминал экспедиционный отряд Бековича-Черкасского с той лишь разницей, что у Бековича было больше казаков, а шведы в основном числились драгунами, то у Бухгольца шведы были в мастеровых.

Большая часть отряда Бухгольца состояла из сибирских рекрутов, которые едва научились палить из фузей, не говоря уже о других экзерцициях. Семь преображенских офицеров с несколькими армейскими и артиллерийскими, прибывшими позднее, да пра десятков гвардейских солдат, разумеется, никак не могли за зиму сделать из них полноценных солдат, сколько ни гоняли и ни муштровали.

Ситуация, в которую попал Бухголец, была вообще непростая. Во-первых, губернатор явно не горел желанием ему серьезно помогать в подготовке экспедиции, во-вторых, никаких конкретных сведений о золотых песках у Якерта он так и не смог представить, а только некие легенды, да слухи.

– Прямо как в сказке: идти туда – не знаю куда, искать то, не знаю что! – сокрушался подполковник.

Царю он писал в сердцах: «Во всем мне от него великое задержание... В Тобольске, государь, как я прибыл, припасов воинских: лядунок, перевезей, портупей, лопаток, заступов, кирок, мотыг, топоров, буравов, долот, ни к пушкам ядер и никакой амуниции, ни телег походных, ни ящиков патронных, ни людям мундиру – ничего не было, о чем всем знает господин губернатор... А подлинного и верного ведомца о песочном золоте близ Еркета господин губернатор мне не дал...»

К июню 1715 года Бухголец был готов к выступлению в поход. Двум сформированным полкам (по тысяче человек в каждом) были присвоены названия самые серьезные – Санкт-Петербургский и Московский. И это при том, что в российской армии к этому времени уже значился Московский полк, воевавший в то время со шведами в Финляндии и отличившийся год назад в морской битве при Гангуте. Но в Сибири все, как известно, свое собственное, посему князь Гагарин и обзавелся собственными «столичными» полками. По задумке амбициозного генерал-губернатора полки со столь звучными именами должны были составить в будущем гвардию его Сибирской армии. Драгунский полк численностью в 700 человек, именного названия почему-то не получил. По крайней мере, исторические источники на сей счет молчат.

Путь отряду предстоял неблизкий, ведь от Тобольска до Яркенда было около двух тысяч верст, которые предстояло преодолеть по незнакомой и враждебной местности, двигаясь по жаре через безводные степи, горы и пустыни. Знал ли сам Бухголец да и остальные, где располагался этот полумифический Яркенд (или Иркет, как называл его в письмах Бухголец) – конечная цель его экспедиции? Сегодняшний Яркенд – это город в Китае на 38-й параллели. Но это слишком далеко от Тобольска... Очень сомнительно, чтобы именно этот китайский Яркенд являлся целью экспедиции. Возможно, это было некое поселение или область в верховьях Иртыша, что выглядит более реалистично. По-видимому, Бухголец и сам в точности не знал, где, что и куда он шел... Еще до выхода отряда было ясно, что по мере его продвижения начнутся осложнения с джунгарами. Последнее кочевое ханство граничило с Россией по реке Оми. При этом граница носила чисто условный характер, так как не закреплялась никакими договорами, а существовала просто по взаимному умолчанию. Джунгары при этом часто без всяких помех кочевали намного севернее Оми, совершая порой набеги на окрестности городка Тары и самого Тобольска.

Глава третья

В июле 1715 года экспедиция Бухгольца погрузилась на 32 дощаника и 27 больших лодок, загрузила припасы дощаника больших лодок. На каждый дощаник грузили до 18 тысяч пудов груза, на лодки поменьше.

Еще дюжину нагруженных товарами дощаников вели местные купцы, решившие воспользоваться оказией и выгодно поторговать на востоке. После прощального молебна флотилия двинулась вверх по Иртышу. Часть солдат при этом маршировала вдоль берега.

24 июля 1715 года отряд Бухгольца прибыл в Тару – маленький городок на левом берегу Иртыша. Сам городок от набегов татарских был окружен деревянным тыном и сторожевыми башнями с несколькими пушчонками, кое-где был виден и земляной вал.

Вокруг тайга – смоляные пихтачи и кряжистые кедры, по которым прыгают куницы да горностаи. В центре городка церковь Святого Успения. Тара связует между собой Тобольск и Томск. Поэтому летом бывают там купеческие караваны из далекой Бухары и даже из Китая. Местные продают купцам собольи, беличьи, лисьи да горностаевые меха. Покупают же шелка, чай, фрукты. На местных озерах варят соль и развозят ее по всей Западной Сибири.

Жители Тары – рыбаки, солевары и охотники – люди вольные и независимые. Немало среди них бывших ушкуйников, ссыльных стрельцов и другого темного люда. Это в «столичном» Тобольске власть, как власть. В Таре местный воевода сидит тихо, так как, ежели обидишь зазря таежника, он тебе, недолго думая, и нож в брюхо вставит. Тара – край русского царства, а потому и нравы здесь соответствующие. Дальше Тары уже тайга и только редкие острожки.

В Таре Бухголец получил полторы тысячи лошадей для своих драгун, а также пополнение рекрутами, набранными в Тарском уезде. Кроме этого к отряду присоединились пятнадцать казачьих сотен.

Когда рекрутов построили, подполковник обошел строй, подивился: почти половина – выдавшие виды бородатые мужики. Лицо одного показалось знакомым.

– Уж не встречались ли мы с тобой ранее? – спросил Бухголец.

– Как не встречаться, коль встречались! – не стал отнекиваться «рекрут». – Было дело, когда мы с сотоварищи Софью на царство ставили! Тогда я чуть на дыбу не попал, но плетьюми и Сибирью отделался!

– Как звать?

– Еремей!

– Не сбежишь?

– А чего сбегать, коль по своей воле иду?

– Стало быть, нынче хочешь государю Петру Алексеевичу послужить?

– И ему, и Рассеи-матушке! Осточертело по тайге белок бить да водку глушить!

– Из стрельцов Софьинских ты тут один?

– Тут нас целая артель. Она дружки мои – Елисей и Емельян!

Бывший стрелец показал рукой на стоявших поодаль таких же угрюмых и заросших бородами здоровяков.

– Ну служите, да помните, что за Богом молитва, за царем служба не пропадет! – махнул рукой Бухголец. – Только больше мне не бунтовать!

– Ужо не сомневайтесь! – хором ответили бородатые «рекруты». – Мы теперича ученые!

В Таре флотилия пополнилась дюжиной речных стругов, которые так же буквально завалили грузом.

Тем временем в начале августа 1715 года в Тобольск пришло письмо Петра об оказании максимальной помощи Бухгольцу. Увы, экспедиционный отряд к этому времени уже ушел

к Ямыш-озеру. Следует отметить, что губернатор Гагарин все же сделал все возможное, чтобы исполнить царскую волю, и снарядил вслед отряду еще и вспомогательный караван.

* * *

Из Тары Бухгольц отписал царю Петру, что в дальнейший поход на восток с ним выступило «войска всякого чина людей 2795 человек» при 70 пушках. Там же в Таре к отряду присоединились еще и местные торговые люди, по-европейски – маркитанты.

От Тары отряд двинулся на дощаниках и лодках далее по Иртышу, которых по берегам сопровождали разъезды драгун и казаков, прикрывая речной караван от нападения джунгар.

Плавание вверх по Иртышу осенью оказалось делом нелегким. Главной проблемой являлся сильный встречный северо-западный ветер, который многократно усиливался, между крутыми берегами Иртыша. Порой ветер часто достигал такой силы, что едва солдаты переставали грести, как дощаники несло обратно против течения. По этой причине все предварительные расчеты на время плавания до Ямышева озера оказались неверными, и дорога заняла гораздо больше времени, стоив немалых усилий.

В первых числах октября отряд наконец прибыл к Ямышевскому озеру.

Ямыш-озеро было настолько соленым, что все дно состояло из соляных глыб, а сама вода была и не водой вовсе, а соляным рассолом. В солнечную погоду Ямыш-озеро приобретало зловещий багровый цвет, словно наливалось кровью, так соль отражала солнечные лучи. Ямыш в Сибири известен давно. Сюда издавна ездили за солью, которая отличалась завидной чистотой, хоть это было и не безопасно. Ходила даже незатейливая поговорка:

Говорят, что в Прииртышье
Есть озера Ямышьи,
Поезжай-ка, дружок, туда,
Привези-ка соли с полпуда!

Проводники рассказали Бухгольцу и о целебном свойстве озера. Ежели у кого спину ломит или руки, ноги крутит, то следует обмазаться озерной грязью и соленой рапой – и все сразу снимет. Об этом свойстве Ямыша с давних времен знают все окрестные знахари и шаманы и возят сюда больных. Даже само название озера Ямыш (Емши) со степного означает «целитель».

Подъехав к Ямышу, Бухгольц с удивлением констатировал:

– Удивительно, но озеро пахнет фиалками!

Сопровождавшие его офицеры втянули воздух носами. Точно, озеро пахло знакомым с детства легким травянисто-землистым ароматом.

– Надо же! – подивились. – Благодать-то какая!

На этом красоты озера, собственно, и заканчивались, так как места вокруг были на редкость унылыми – холмистые солончаки да песчаная степь во все стороны сколько видит глаз.

Осмотрев озеро, Бухгольц объявил о начале постройки крепости для предстоящего зимовья в шести верстах от правого берега Иртыша, у ручья Преснухи. Место выбрал грамотно, на высоком тридцатиметровом яру. При этом помимо ручья рядом с крепостью бил ключ со свежей водой. Однако быстро начать строительство крепости не получилось. Первый месяц ушел на размещение – нужно было вырыть землянки, складировать грузы, разметить площадки под фортификационные, служебные и жилые постройки.

Так как быстро холодало, идти дальше в тот год Бухгольц не отважился, о чем и известил царя. Гагарину он отправил также письмо, в котором попросил прислать еще хоть немного обученных военному делу людей.

Для защиты крепости экспедиция привезла серьезный артиллерийский парк: 15 мортир и 36 пушек, а также боезапас: 852 бомбы и 5197 гранат, а также порох, железо, строительные инструменты и одежду.

Почти половину лодок пришлось сразу же разобрать, так как деловой древесины в окружающих сосняках не нашлось.

Руководил строительством поручик артиллерии Каландер. До 10 ноября насыпали земляной вал. Строили по последнему слову европейской фортеции в форме шестиугольного полигона с полноценными бастионами, валами и контрэскарпом, защищенным рогатками. Крепостные ворота выходили в тыльную сторону, к озеру. Внутри крепости разместили магазины-склады для жизненных и военных припасов. В центре срубили и небольшую церквушку. Как же православному человеку без Бога? Рядом с крепостью для размещения артиллерии был выстроен «малый острог», два амбара для припасов и казармы для офицеров и солдат. Укрепление строилось с расчетом на гарнизон в три сотни человек. Оно должно было стать опорной базой главным силам отряда, которые следующей весной должны были продолжить путь к золотоносной реке.¹

После некоторых раздумий Бухгольц переселил солдат, драгунов и казаков из крепости в вырытые за ней землянки, прикрытые с двух сторон между двумя речками, впадающими в Иртыш – Преснухой и Черной. Почему? Да потому, что в стылые степные зимы жить на степном ветру холодно. Да и воду на две с половиной тысячи человек таскать для бань и приготовления еды на косогор весьма утомительно. За крутояром же было безветренно, так как росшие вдоль речек деревья хорошо прикрывали лагерь от пронизывающих ветров, их же рубили на растопку печек и для бани. Крепость же на крутояре стояла совершенно пустой, если не считать находящегося в ней караула.

За провиант Бухгольц был пока спокоен, его должно было вполне хватить до лета. К тому же весной Гагарин обещал прислать по Иртышу большой продовольственный караван.

Впрочем, во время разгрузки и пересчета имущества Бухгольц многого не досчитался. То ли по нерадению забыли, то ли, наоборот, кто-то под шумок еще в Тобольске припрятал.

* * *

Ледостав в 1715 году на Иртыше начался очень рано, когда строительство крепости еще не было кончено. Но к холодам все же главное соорудить успели. Жилища утепляли уже в первые морозы, но также справились. К чести Бухгольца, зимовку на берегу Иртыша трех тысяч человек он организовал должным образом, и первое время она проходила спокойно.

В декабре 1715 года Бухгольц отправил Петру I донесение, в котором правдиво описал и подготовку к походу, и продвижение экспедиции до Ямыш-озера, и обнаруженные изъяны в обеспечении. Написал и о своих дальнейших планах.

А затем в крепостицу неожиданно пожаловали гости. То были джунгарские послы, возвращавшиеся из Тобольска в родные степи. Недалеко от крепости на них напала шайка казахских разбойников и отобрала всех лошадей и верблюдов. За новыми лошадьми послам пришлось послать человека, сами же они попросились пока пожить под защитой русских. Бухгольц принял гостей со всем радушием, какое смог себе позволить.

Послы попросили показать им крепость. Бухгольц показал. Джунгары ходили и цокали языками, особенно впечатлили их пушки. «Посланцы хотя и удивлялись крепостному строению, объявляя, что сия страна принадлежит калмыкам, однако... успокоились, как только их обнадежили, что им не должно опасаться от того никаких неприятельских действий.

¹ Сегодня уцелевшие фрагменты Ямышевой крепости находятся на территории Северо-Восточного Казахстана близ села Ямышево (Аккулинский район Павлодарской области).

Когда же Бухгольц заговорил с послами о своих планах направиться следующей весной к реке Яркенд, то гости посоветовали ему послать хунтайджи письмо с просьбой пропустить отряд к речке и дожидаться его разрешения.

– Дабы тем предупредить у него подозрение! – сказали.

Бухгольц совету внял, написал соответствующее письмо, решив послать с ним поручика Маркела Трубникова с конвоем в полсотни драгун.

Спустя некоторое время прибыли лошади и верблюды из улуса Зангар. После этого поручик Трубников вместе с джунгарскими послами общим караваном направился в верховья Иртыша, к озеру Нор-Зайсан, где тогда располагалась ставка джунгарского правителя. Однако доехать до ставки Цыван-Рабдана не удалось.

В месте под названием Коряков Яр поручика Трубникова с его драгунами перехватил большой казахский отряд и увел в плен на левый берег Иртыша. Джунгарских послов, еще раз ограбив, казахи отпустили.

Пленение Трубникова имело самые драматические последствия. Из-за этого хунтайджи письма Бухгольца не получил и ничего не знал о том, что русский начальник просит у него разрешения на мирный проход к реке Яркенд.

Следует сказать, что Бухгольц не сидел в крепости сложа руки. Нет, он, по возможности, действовал. В точности неизвестно, каким путем, но вскоре он имел весьма неплохое представление о вооруженной силе Джунгарии, и это его озаботило.

Несмотря на весьма непростые условия зимовки, Бухгольц ни на один день не прекращал тренировок рекрутов: маршировку сменяли занятия по стрельбе, оборона в ротных порядках от атакующей конницы и штыковой бой.

Ловя на себе грустные солдатские взгляды, подполковник повторял каждый раз:

– Каждое ведро пота стоит трех ведер крови!

Взвесив все «за и «против» перспективы затеянного предприятия, 29 декабря 1715 года Бухгольц написал Петру I, что продолжать поход к Яркенду в данной ситуации просто невозможно, так как к Яркенду предстоит идти джунгарскими степями. Намерения Цэван-Рабдана неизвестны. Но последний имеет под началом более 60 тысяч опытных воинов, а он, Бухгольц, может двинуть в поход не более двух с половиной тысяч. Смогут ли они дойти до неблизкого Яркенда, а затем закрепиться в далеких и диких местах, вопрос открытый.

Получив и прочитав письмо Бухгольца, Петр I счел его доводы весьма серьезными.

В своем письме к князю Гагарину Петр потребовал срочно выслать Бухгольцу подкрепление и принять меры против дезертирства, грозно предупредив: «...и ежели ему от того учинится, то взыщется все на вас». Но на то, чтобы собрать хоть немного обученных рекрутов, подготовить речной караван с припасами и все это отправить, надо было время. А время не ждало...

* * *

В тот год джунгарцам пришлось несладко – они вели тяжелую пограничную войну с китайцами, которая шла с переменным успехом. Китайцы требовали от джунгар подчинения, перехода в подданство богдыхана и их перемещения во внутренние земли. Цыван-Рабдан с гневом отвергал столь постыдные предложения. Ему ли идти в услужение к презренным, чьих предки и за людей не считали! Поэтому джунгары китайцев не щадили, относясь к пленным, как к захваченному скоту. В ответ китайские войска начали постепенно оттеснять последних воинственных монголов от своих границ.

В столь сложной и нервной обстановке к Цывану-Робану и пришло известие, что в самом глубоком тылу, на самой, казалось бы, спокойной границе с Россией, тоже неладно. Русские в тайне от него неожиданно воздвигли крепость и посадили в нее целое войско! Возможно,

доберись до ставки хунтайджи поручик Трубников с письмом Бухгольца, Цыван-Робан отнесся бы ко всему более спокойно. Но поручик на добрался...

Надо ли говорить, что, узнав о появлении русской крепости, Цыван-Рабдан воспринял это как вторжение в свои владения со всеми вытекающими последствиями. Но бросаться очертя голову на русских опытный хан не стал, слишком хорошо был наслышан об их силе. Тем более рассказы о русских, как это часто бывало в степи, многократно преувеличивали их силу. Поэтому хитрый Цыван-Рабдан решил для начала предпринять разведку.

В феврале 1716 года он послал в Ямышев «под видом дружества посольство, чтобы договариваться о некоторых до купечества принадлежащих пунктах». С посольством прибыли и джунгарские купцы, которые быстро организовали активную торговлю. «А подполковнику, – писал современник, – поднесли, по своему обыкновению, немалые подарки. Бухголец принял тех послов с ласковою учтивостию, напротив и их дарил богато».

Вообще-то внезапное появление среди зимы джунгарского посольства, да еще и с купеческим караваном, уже само по себе должно было насторожить Бухгольца. Что думал по этому поводу подполковник, нам неизвестно. Надо отдать должное Бухгольцу, он всеми силами старался убедить послов, что построенная им крепость не представляет никакой опасности для Джунгарии, что русские в ней только перезимуют, а по весне уйдут дальше, к далекому Яркенду, оставив здесь только небольшую охрану. Послы кивали головами, говоря, что все понимают, да и их правитель тоже нисколько не гневается, а потому и прислал их с миссией мира.

Затем послы обратились к Бухгольцу с просьбой разрешить «свободный въезд в крепость», который бы выглядел как жест доброй воли. Поразмыслив немного, подполковник въезд послам разрешил, полагая, что никакого вреда нанести они не смогут. Это было его ошибкой. Таким образом послы-лазутчики неплохо познакомились с крепостью, с численностью и размещением в ней войск. Уезжая, послы Цыван-Рабдана еще раз постарались убедить русского начальника в своем дружелюбии.

Поверил или нет им Бухголец, мы доподлинно не знаем. Думаю, что, будучи опытным офицером, он все же предвидел возможность нападения.

Глава четвертая

А затем перед крепостью появились посланный Цыван-Рабданом темник-хошуги Цырен-Дондоб, передавший требование хунтайджи немедленно убраться восвояси. Опытный Цыван-Рабдан, разумеется, не хотел еще одной большой войны, да еще с таким серьезным противником, как русский царь. Поэтому он предложил решить дело миром: пусть русские просто уйдут в свои пределы.

Разумеется, Бухголец ультиматума не исполнил (да и не мог исполнить в свете имеющих у него царских указов!) Взбешенный отказом Цыван-Рабдан решил действовать, и вскоре к крепости двинулась десяти тысячная джунгурская орда.

Как мы уже говорили, на тот момент мобилизационные возможности Джунгарии достигали 60 тысяч всадников. Но большую часть своего войска хунтайджи был вынужден держать на границе с Китаем. Десять тысяч – это был тот максимум, который Цыван-Рабдан мог направить на Иртыш. Впрочем, для малочисленного русского отряда это все равно было очень много.

При этом Цыван-Рабдан отправил далеко не худших, а лучших, в том числе личную гвардию, которая была уже вооружена не прадедовскими луками, а современными ружьями. Впрочем, и старые монгольские луки так же все еще явились грозным оружием в умелых руках кочевников. Тяжелые, сборно-клееные, с дальностью полета стрелы до 700 метров, луки оставались серьезным оружием.

В зимнюю ночь с 9 на 10 февраля 1716 года на Сырную неделю случилась сильная стужа, такая нередко бывала в степных краях. По этой причине солдаты и казаки, как обычно, прятались в своих землянках, а немногие часовые в крепости также старались лишний раз не высывать нос на мороз и ветер.

Джунгары появились перед Ямышевской крепостью неожиданно, будто из-под земли – едва успели закрыть ворота. В крепости поднялась тревога. С поймы прибежал солдат, стоявший в карауле возле кормившихся подснежной травой лошадей, и сообщил, что джунгары отогнали коней в заречье по льду. Ни в какие переговоры джунгары на этот раз уже не вступали, а были настроены воинственно.

Прибежавший в крепость Бухголец, с верхов оглядел степную даль, буквально черную от множества всадников.²

– К нам пожаловал не какой-то отдельный отряд. Пришла настоящая орда и, судя по треххвостому бунчуку, во главе с темником. Посмотрите! – показал ему кто-то из казаков.

Бухголец глянул в зрительную трубу в указанном направлении. Там выделялась группа богато одетых всадников, один из которых держал в руках монгольский символ верховной власти – бунчук – палку с тремя конскими хвостами. То был бунчук двоюродного брата хунарджи – темника Цырен-Дондобы.

– Дело принимает серьезный оборот! – только и хмыкнул подполковник.

Первые доклады были неутешительны. Пользуясь внезапностью, ойраты уже окружили крепость. «Отъезжие караулы» были перебиты, некоторые часовые захвачены в плен, табуны угнаны.

Захватив несколько пленных, джунгары немедленно принялись их пытать, выясняя, где хранятся боеприпасы. Особенно тяжело пришлось бывшему стрелцу Петру Першину, которого Цырен-Дондоба посчитал главным. Современник пишет: «... Хотя тому солдату мука была и несносная – после сечения плетей, повешен на дерево и огнем жжен, в которой муке и умер, однако ж всей правды о порохе им не объявил...»

² Верки – оборонительные постройки и укрепления (брустверы, форты и т. п.) в крепостях.

Более того, умирающий стрелец обманул джунгар, сказав, что порох хранится в хлебных амбарах возле крепости (на самом деле он хранился на одном из дощаников на Иртыше). Джунгары захватили амбары, проскакав мимо стоявших под берегом заполненных припасами лодок. Не обнаружив пороха, они проделали в их стенах отверстия и открыли через них огонь по крепости и артиллерийскому двору.

По сведениям очевидца, джунгары «...к крепости тихо подъезжали под таким видом, как лошадей гоняют... А иные партии подъехали к самым надолбам, тем, которые около казарм обнесены были. Смелые из тех, перелезши в то время надолбы, стучались у избушек, будили солдат, которые уже взброд все вышли, и говорили калмыки с насмешкою по-русски: «Ставай русак, пора пива пить».

Первую, неожиданную атаку джунгары повели на пустую площадь внутри крепости, где, слава богу, у нас стояла лишь церковная палатка. Влетев в крепостную ограду, кочевники подожгли наспех сооруженную наблюдательную деревянную башню, захватили часть крепостной стены и продовольственные амбары. Впрочем, джунгаров в крепость пробралось еще не очень много. Большая часть их все еще с криками кружила вокруг крепости.

Слава богу, что вся наша артиллерия была обустроена вне острога на отдельном дворе, и кочевникам не удалось захватить ни одной пушки. Не теряя времени, канониры принялись палить по противнику, но первые залпы ничего не дали.

К слову сказать, неприятным открытием для русских стал тот факт, что степняки нисколько не боялись летящих в их сторону ядер, как всегда бывало ранее. Это значило, что к пушечному огню они приучены. Впоследствии действительно выяснили, что практику нахождения под артиллерийскими выстрелами джунгары приобрели в боях с китайцами. Между тем ситуация стремительно ухудшалась...

– Пушки тащить в крепость на кронверки! – торопливо скомандовал Бухгольц, оценив ситуацию. – Заряжать же – ближней картечью!

Буквально чрез несколько минут с десятков пушек был солдатами на руках втащен в крепость. Артиллеристы торопливо забивали пробойниками в стволы мешочки со свинцовым дробом. Ближняя картечь – самое страшное оружие в ближнем бою, а то, что бой будет ближним, сомневаться не приходилось, через захваченные ворота в крепость уже накатывал вал степной конницы.

Но даже в этих обстоятельствах хладнокровный Бухгольц все же приказал дать вначале предупредительный артиллерийский залп из одного орудия. А вдруг джунгары испугаются и опомнятся и тогда удастся избежать серьезного столкновения? Но Цырен-Дондоба думал иначе. Поняв, что русские намерены защищаться, ойратские конники стремительно ворвались в крепость уже в большом количестве. Однако Бухгольц к этому времени успел выстроить против ворот пехотные батальоны. К ним присоединились и оставшиеся без угнанных лошадей драгуны.

Лекари уже торопливо раскладывали на снег свои сумки-«монастырки», в которых находились ножи, пилки, жгуты, лубки. Рядом клали мотки навоощенных ниток, шприцы-«прыскала», корпию, кровоостанавливающие зелья, а также опий. Ставили бутылки со спиртом и водкой – единственными в то время средствами дезинфекции и наркоза. Лекарские повозки ставили как можно ближе к воде и сразу принялись кипятить воду в котлах. Рядом растягивали на козлах выдубленные бычьи шкуры, на которых предстояло оперировать и ампутировать раненых.

Офицеры скороговоркой командовали вчерашним рекрутам:

– Ружья к заряду! Открыть полки! Сыпь порох! Закрой полки! Вынимай патрон! Скуси! В дуло! Прибей заряд! Вздыхай! Вводи курки!

А конный вал уже налетал с криками, воем и гиканьем...

– Пали! – вскинул вверх шпагу Бухгольц.

Гулко ударили пушки, и атакующих заволокло черным дымом. Первым залпом картечи были сметены самые дерзкие из нападавших. Почти одновременно дала залп в упор пехота.

– Барабанщики! Бить марш-атаку! Офицеры, вперед! – скомандовал Бухголец.

Ударили полковые барабаны. Вдоль солдатских рядов уже неслось:

– Вынуть штыки! К дулу примыкай! Ружья на руку!

Хищно блеснув отточенными остриями штыков, ружья разом образовали непреодолимую изгородь впереди батальонов. Офицеры вышли вперед, вытащили шпаги. Кое-кто торопливо крестился.

А джунгары уже снова стремительно летели в клубах снежной пыли.

– За мной! Вперед! Коли! – выкрикнул что было силы Бухголец и первым, тяжело расшвыривая ботфортами снег, побежал навстречу врагу.

Через мгновение за его спиной послышался натужный топот, а потом громкое хриплое «ура».

Под гром барабанов солдаты дружно ударили в штыки. Картечного расстрела и натиска регулярной пехоты кочевники выдержать не могли и, потеряв несколько сотен соплеменников, умчались в степь.

Но это было только начало. Имея строгий приказ хунтайрджи во что бы то ни стало выбросить русских из крепости, Цырен-Дондоба снова и снова посылал своих воинов в атаку. Но теперь всякий раз их уже отбивали с гораздо большей легкостью, чем в первый. Тем более, что джунгары снова и снова пытались атаковать через ворота, которые были уже надежно прикрыты и артиллерией, и пехотой. Потери кочевников множились с каждой атакой. Вскоре все пространство перед крепостью было завалено трупами людей и лошадей, истошно кричали раненые, и ржали брошенные лошади. Но Цырен-Дондоба с завидным упрямством кидал своих воинов в новые отчаянные и бесполезные атаки.

– Это какое-то безумие! – говорил Бухголец, глядя, как очередной вал неприятельской конницы в несколько минут истреблялся картечью и пулями.

Впрочем, не все обстояло так благополучно, как у ворот. Захватив два продовольственных лабазов, джунгары продолжали из них обстрел стрелами крепостной ограды и артиллерийского двора. Выбить их из лабазов никак не удавалось. Стреляли картечью, но та деревянные срубы не брала. Стрелять же ядрами Бухголец не разрешил, так как остаться в зимней степи без продовольствия было бы смертью подобно.

Но артиллерийский поручик Афанасий Зыбин все же убедил его, что сам наведет пушки и обрушит только крыши лабазов, чтобы хранящиеся там запасы продовольствия не пострадали. Скрепя сердце Бухголец дал «добро». Две пушки зарядили ядрами, долго и тщательно выцеливая.

– Давай фитиль! – протянул руку поручик Зыбин.

Перекрестился и поджег затравку. Грохнул выстрел, за ним – другой. Оба были точными, и крыши амбаров разом упали на головы засевших там джунгар, погребя под собой несчастных.

«И так во всю ночь происходил непрерывный бой», – пишет очевидец.

Жуткая карусель непрерывных кровавых атак продолжалась без малого двенадцать часов, пока джунгарскому темнику стало наконец понятно, что атаковать крепость бессмысленно и он положит под его стенами все войско. Только после этого джунгары отошли от крепостных стен и расположились лагерем неподалеку.

После окончания сражения Бухголец приказал всему отряду немедленно занять крепость, снести под защиту стен все припасы, восстановить и закрыть ворота, а подходы к ним укрепить рогатками.

* * *

Некоторое время в лагере противника царила неразбериха. Затем возбуждение спало, и все поутихло. С высоты валов было видно, как номады выстраивались по отрядам, во главе с сотниками и тысяцкими, подле каждого значились бунчуки с флажками и одинарными конскими хвостами. У треххвостого темниковского бунчука собрался отряд лучших богатуров. Судя по всему, ханская гвардия – конные копейщики-панцирники, все, как один, в стеганых ватных панцирях, на руках кожаные бармицы, на головах клепаные шлемы с плюмажем – кистью из матерчатых ленточек – символом ойратской державности, на боку сабли в дорогих ножнах. Помимо копий и сабель у гвардейцев монгольские луки, а у некоторых – фитильные ружья. У каждого кроме этого на боку сабли в богатых ножнах.

Наличие у джунгаров ружей стало для русских сюрпризом. До этого таких сведений не имелось. На торговлю ружьями и пушками с джунгарами и в Китае, и в России был, как известно, наложен строжайший запрет, но, коли очень надо, запреты всегда можно обойти.

– Смотрите, Иван Дмитриевич, ойраты выстроились своим излюбленным манером, который называют «лук-ключ». При таком построении центр был оттянут назад, зато фланги, наоборот, выдвинуты в сторону противника. Поэтому в ходе сражения джунгары стремятся, чтобы вытянутые вперед крылья наносили удар по флангам врага, а затем заходили ему в тыл, – обратил внимание Бухгольца майор Вельяминов-Зернов, воевавший ранее с турками и татарами.

– Ежели в поле сей «лук-ключ», возможно, и имеет смысл, то при штурме крепости он совершенно бесполезен. Зачем же сии выкрутасы? – пожал плечами Бухголец.

– Думаю, что так построились не в силу необходимости, а в силу традиции, – усмехнулся майор.

Вот вдоль выстроившейся орды проскакал на коне сам темник Цырен-Дондба в богатом тибетском халате с металлическими наплечниками и в золотом шлеме, напоминающем перевернутую вазу, увенчанную султаном из конского волоса и соколиных перьев. Воины сопровождали проезд предводителя неистовым ревом. Одновременно начали столь же неистово бить большие круглые барабаны, затем заревели трубы.

– Ну, сейчас, кажется, снова на приступ двинут! – авторитетно заявил опытный в деле противостояния степнякам Зыбин.

Так и вышло. Не успели смолкнуть трубы, как лучники выпустили лавину стрел, после чего джунгарский строй сломался – к крепостному валу разом бросились тысячи и тысячи копейщиков. Подбегая вплотную, они с силой метали свои копья, после чего, выхватив кривые сабли, устремлялись на приступ.

Однако взбираться на крутые валы было нелегко, тем более что сверху нападавших на выбор расстреливали солдаты. Тех же, немногих, кому все же удавалось взобраться на кронверк, легко сбрасывали штыками, против которых сабли ойратов были бессильны. Ну, а затем в дело вступила артиллерия. Каждый выстрел буквально выстилал трупами атакующие порядки джунгарцев.

– Это не бой, это избиение! – мрачно констатировал Бухголец, наблюдая за развитием событий. – Хоть и враги, но все же живые люди! Господи, прости нас, грешных!

Наконец бессмысленность очередного лобового штурма дошла до Цырен-Дондобы, державшегося поодаль под бунчуком. Вновь взревели трубы, но уже не призывно, как ранее, а надрывно и печально. После этого вся масса атакующих отхлынула назад с той же стремительностью, с какой только что атаковала.

– Кажется, выдохлись! – вытер пороховую гарь со лба Вельяминов-Зернов.

– Надолго ли? – вздохнул Бухголец, с силой сложив тубус зрительной трубы.

Итак, две первые атаки отбить удалось. Наступило время считать утраты и потери. Самой большой была утрата конского табуна, пасшегося далеко за крепостными валами, и захваченного джунгарами первым.

* * *

На следующий день орда атаковала снова. И вновь вязаная картечь сметала кочевников сотнями, но они упорно лезли вперед. Потери атаковавших были чудовищны, но и потери гарнизона также были чувствительными.

На третий день атаки продолжились. Но теперь солдаты действовали уже совершенно спокойно, как на учениях, пушками и ружейным огнем легко отбили несколько попыток ойратов приблизиться к крепостным стенам.

Очевидец пишет, что артиллерийские бомбы для джунгар были «...нечто новое: они сперва, как увидят ее падшую наземь, и когда она еще вертится, тогда... тыкали ее копьями. Но как увидели, что как ее разорвет и тем их убивает, то они вздумали ее затушить таким способом: возьмут войлоков, сколько где прилучится и как оная бомба где падет к ним на землю, тогда они войлоками на нее намечают и нападут наверх человек десять и двадцать и так ее задавить тщались и таковым способом побито было немало».

Наконец-то, окончательно убедившись, что крепость штурмом взять уже не удастся, Цырен-Дондоба направил Бухгольцу письмо, в котором обвинял его в том, что крепость построена «ложными словами», и угрожал длительной осадой.

Прочитав послание, подполковник только нервно передернул плечами:

– Какой смысл имеет сейчас эта филькина грамота, когда вокруг крепости навалены уже тысячи трупов? Высказывать претензии следовало раньше!

Однако ханскому брату Бухголец все же ответил. В своем письме написал, что земли по реке Иртышу – есть страна, «которая всегда Российскому государству была подвластна», а крепость он построил по государеву указу. В скором же времени будет строить и другие крепости, но надеется на «дружество и купечество» с джунгарами, ежели те прекратят свое «глупое неистовство». Ну, а ежели Цырен-Дондоба захочет его взять измором в осаде, то пусть на это и не надеется, так как скоро придет большое войско из Тобольска, и тогда самому Цырен-Дондобе придется спасаться бегством. В письме Бухголец, разумеется, блефовал, так как даже при лучшем раскладе в Тобольске у князя Гагарина просто не было таких воинских сил, которые могли бы изменить ход войны в Джунгарии. Но об этом знал Бухголец, а знал ли Цырен-Дондоба, большой вопрос...

А на душе Бухгольца лежал тяжкий камень. Подполковник прекрасно понимал, что успешное отражение штурма никак не спасает от поражения в стратегической перспективе. Наши располагали всего полугодовым запасом провианта, ограничен был также порох. В том, сможет ли генерал-губернатор Сибири оказать какую-то реальную помощь, был большой вопрос. Самое плохое было же в том, что Бухголец не мог проявить ни малейшей инициативы. Кони были потеряны. Не гоняться же по снежной степи за джунгарами пешком! Единственным возможным оставалось, экономя продукты и порох, ждать весны, а там, по обстоятельствам, погрузиться на лодки и убраться восвояси. Итак, теперь следовало только ждать и надеяться, что джунгарам рано или поздно все же надоест мерзнуть.

Тем временем обозленный Цырен-Дондоба велел осадить острог и послал Бухгольцу письмо, в котором заявил, что с русским царем калмыки всегда жили в совете и не было указа о построении городов, поэтому острог выстроен самовольно, а он, Дондоба, будет находиться здесь столько, сколько понадобится, пока русский отряд не сроет крепость и не уйдет.

Бухголец ответил своим письмом, в котором извещал своего воинственного визави, что у него был указ о строении не только Ямышева городка, но и других по Иртышу, с тем чтобы

идти для рудной разведки, а ему, Дондобе, лучше самому уйти и не нарушать мира и покоя между двумя дружественными державами.

* * *

Получив письмо Бухгольца, Цырэн-Дондоба только поцокал языком:

– Ай-яй-яй! Какой упрямый и глупый русский начальник! Неужели он надеется досидеть в своей берлоге до весны? Посмотрим, что из этого выйдет!

После этого энергичный темник начал обустраивать блокаду крепости, полностью изолируя ее от внешнего мира. Тактика джунгарского военачальника оказалась единственно верной. Отныне все отряды с провизией и подкреплениями, присланные из Тобольска, Тары и Томска были обречены на захват джунгарами. Гарнизон крепости, лишенный возможности получать провизию, порох, рекрутов и лошадей, был фактически обречен. Падение или сдача крепости были отныне лишь вопросом времени.

Участник «острожного сидения» поручик Афанасий Зыбин писал в своем послужном списке: «И сидели в оной крепости во атаке от неприятеля три месяца и выпуску им из крепости не было. К тому ж в то время в той крепости божьим гневом было цынготное поветрие и понос, от которого в одни сутки от каждой роты человек по пяти и по семи мерли, а в одну яму от полку хоронили человек по пять-десять».

Следует сказать, что деятельный Бухголец делал все, что было в его силах. Так, осажденным удалось отправить вестников с донесением к губернатору. Правда, для этого пришлось ждать ледостава. Когда же лед пошел по Иртышу, темной ночью казаки поставили на одну из льдин лодку, незаметно посадили в нее двух человек, а саму лодку завалили сверху льдом. Ездившие вдоль берега джунгарские караулы не обратили на это внимания. Лыдина с лодкой под напором других льдин медленно двинулась вниз по реке и вскоре исчезла из вида.

– Дай Бог добрый путь! – крестили ее стоящие на стенах солдаты и казаки. – На вас вся надежда!

Скрывшись от взора джунгарских разъездов, казаки разбросали ледяное укрытие, спустили лодку на чистую воду и, налегая на весла, поспешили в Тобольск. Добравшись туда, они сообщили князю Гагарину об осаде. Известие было столь неожиданно, что генерал-губернатор допрашивал их несколько часов, после чего сел писать письмо царю.

В письме Гагарин, помимо всего прочего, сообщил, что дальнейшее продвижение к Яркенду в новых обстоятельствах просто невозможно. В огне каждодневных атак Бухгольцу и его солдатам было уже не до поиска полумифического золотого песка. Император получил декабрьское письмо Бухгольца только 4 февраля 1716 года, находясь в Копенгагене, и отписал князю Гагарину строжайший наказ немедля набрать казаков и солдат, снарядить обоз для укрепления экспедиции.

Забегая вперед, скажем, что и Петр I и сибирский генерал-губернатор, получив донесения от Бухгольца, отправили джунгарскому хунтайджи грамоты, в которых опровергали принадлежность данных земель Джунгарскому ханству. Но ответа на эти послания из степи не последовало...

Реально князь Гагарин осажденным ничем помочь не мог: «в Сибири недостаток был в регулярном войске. К набиранию и обучению рекрут требовалось время».

При огромной нехватке людей Гагарину пришлось спешно собирать и обучать новобранцев. Вскоре из Тобольска был послан обоз с тремя десятками рекрутов при офицере, который вез в Ямышевскую крепость жалованье, продовольствие и другие припасы для экспедиции. Была надежда, что обозу удастся прорваться в крепость. Но не случилось. В пятидесяти верстах от крепости джунгары обнаружили обоз, напали и захватили его, перебив три сотни людей, а еще четыре взяв в плен. Среди пленных оказалось несколько купцов и промышленни-

ков из Тобольска, Тары и Томска. Среди прочих был пленен и тобольский священник, решивший идти в степь со словом Христовым, чтобы сеять в душах тамошних язычников доброе и вечное... Защищавший обоз капитан с поручиком и три десятка солдат-рекрутов дрались до последнего, но силы были неравны и их быстро перебили.

Всех пленных Цырен-Дондоба велел демонстративно провести мимо крепости, чтобы это увидели осажденные. Помимо 20 тысяч казенных рублей золотом, продовольствия и пороха, а также пленных, которые всегда были ценным товаром для обмена и выкупа, Цырен-Дондоба захватил и особо ценных пленников – несколько шведских офицеров-артиллеристов, в числе которых был и штык-юнкер Иоганн Густав Ренат – опытный артиллерийский и ружейный мастер, знаток выплавки металлов из руды, отливки пушек и изготовления снарядов.

Получив известие о гибели обоза и понимая, что дни Ямышевской крепости и всего отряда уже сочтены, Гагарин предпринимает последнюю попытку хоть как-то спасти отряд Бухгольца. Он вызвал к себе тарского казачьего сотника Василия Чередова и тобольского боярского сына Тимофея Этигора, поручив им отвезти джунгарскому контайше письмо с уверением, что движение российских военных экспедиций впредь не будет вредить его интересам и «станет средством защиты всех от неприятелей». Посланцы губернатора отправились к Ямышевской крепости в феврале 1716 года. Доехав до нее, они увидели последние часы эпопеи. При этом джунгары встретили Василия Чередова и Тимофея Этигора без неприязни. Цырен-Дондоб, узнав о цели их поездки, выразил желание дальнейших мирных отношений. После чего, снабдив посланцев усиленным конвоем, отправил восвояси.

Позднее Бухгольца будут упрекать в пассивности при осаде крепости. И то! Помочь уничтоженному почти на его глазах обозу Бухголец не мог ничем, у него не было ни кавалерии, ни пороха. При этом, будучи скрупулезным и исполнительным офицером, подполковник неукоснительно исполнял как указ царя, так и наказ губернатора. Ну, а то, что ему не хватило дипломатических способностей, так ведь не может в одном человеке быть всего по многу!

* * *

За три неполных месяца, не ведя активных боевых действий, Бухголец лишился 2300 человек, большая часть из которых не погибла в боях, а умерла от голода. Пришла в крепость и страшная сибирская язва. А ведь в отряде не было ни одного лекаря!

Бывало, в иной день зарывали в мерзлую землю до трех десятков человек. Всего же сильные морозы, скученность, наступивший к весне голод и эпидемии стоили жизни почти полтора тысячам солдат, драгун и казаков. Еще до начала плотной осады началось дезертирство. Всего разбежалось свыше 260 человек. Кто-то сразу подался в разбойники, кто-то постарался добраться до дома, кому-то это удалось, а кто-то попал в рабство к джунгарам.

Осада Ямышевской крепости продолжалась три долгих месяца.

С приходом весны Бухголец созвал офицерский совет, который определил «сие место оставить». Чтобы спасти оставшихся людей, Бухголец согласился выполнить условия Цырен-Дондоба – срыть крепость и покинуть пределы джунгарских владений.

28 апреля, на Масленицу, Бухголец провел переговоры с темником, и тот разрешил оставшимся семистам солдатам и казакам свободно уйти вниз по Иртышу. Срыв, насколько это было возможно, крепость и сломав казармы, солдаты, казаки и мастеровые, забрав амуницию и артиллерию, погрузились на 18 уцелевших дощаников и направились к устью речки Оми.

Что касается джунгар, то уплывавших они некоторое время сопровождали вдоль берега, в бой, однако, не вступая. Зачем проливать свою кровь, коль враг и так уходит? Более того, джунгары отпустили на все четыре стороны и всех захваченных в плен русских, включая и бедолагу священника. Жест доброй воли следовало понимать как нежелание джунгар дальше воевать с русскими. Коль ушли, то и инцидент исчерпан!

Глава пятая

Достигнув через полтора месяца устья Оми, Бухголец расположил там остатки своего отряда на отдых, послав соответствующее уведомление в Тобольск. Кстати, джунгарские князья из рода Омбы, считавшиеся формально хозяевами этих мест, претензий Бухгольцу по поводу занятия своих земель не предъявляли. На границах Джунгарии и Китая в это время снова начались сражения, и кочевникам было уже не до таежных речек.

Бухголец предлагал заложить на южном берегу Оми крепость, которая бы обозначила российскую границу и стала передовым форпостом на случай нового наступления на степь: «Дабы людей и всякие воинские потребности там оставить, ежели оные впредь... в сей стране будут надобны».

Вскоре Матвей Гагарин прислал разрешение на постройку городка в устье реки Оми.

Так как больные солдаты ничего строить не могли, из Тобольска Гагарин прислал плотников, а также полторы тысячи новых рекрутов. Непосредственно строительством руководил артиллерии поручик Каландер.

За лето, используя местный лес, участники экспедиции выстроили на берегу реки небольшой острог, названный Омским. Новая крепость представляла собой «низкий земляной вал, в фигуре правильного пятиугольника, обнесен полисадом с пятью таких же болверков на углах и со рвом, около которого поставлены были рогатки». Такая форма укреплений создавала удобные условия для обстрела с угловых бастioned. Внутри крепости были построены церковь Сергия Радонежского, административные здания и казармы. Гарнизон Омска состоял из 150 казаков и 200 солдат.

В будущем (в начале 30-х годов XVIII века) Омская крепость была капитально перестроена: «...четыреугольная и только полисадом обнесенная, из которых каждая сторона содержала в длине по ста саженей».

Новая крепость на стыке двух рек стала воротами в обширный район верхнего Прииртышья и всего Северного Казахстана. Именно из Омска началось интенсивное проникновение русских землепроходцев в верховья Иртыша и на Алтай и открытие там залежей драгоценных металлов, о которых так мечтал царь Петр.

* * *

Когда основные укрепления Омской крепости были уже почти завершены, подполковник Бухголец заболел. В своем письме генерал-губернатору Гагарину он написал, что сильно устал и занемог, а потому дальше руководить экспедицией не имеет никаких сил, после чего сдал команду майору Ивану Вельяминову-Зернову.

Ну а что же делал все это время в Тобольске генерал-губернатор Сибири? Помимо отправки обоза с припасами в Ямышевскую крепость практически ничего. Дело в том, что, получив письмо от Бухгольца о начале строительства крепости, Матвей Гагарин, как мы уже писали выше, обратился с доношением к Петру I, в котором просил направить личное послание Цыван-Рабдану с разъяснением причин и цели экспедиции. Обращение генерал-губернатора было делом нужным, но писать надо было не тогда, когда крепость уже строилась на джунгарской земле, а намного ранее. Вполне возможно, что таким образом удалось бы избежать многих неприятностей и лишней крови. Поведение Гагарина в данном случае странно. Формально он предупреждал царя о том, что следует известить сопредельное государство о постройке крепости на его границе, но сделал это тогда, когда избежать вооруженного конфликта было уже невозможно.

Петр получил письмо сибирского генерал-губернатора с просьбой послания правителю Джунгарии лишь 18 декабря 1716 года, когда Ямышевская крепость уже отбила несколько штурмов и давным-давно находилась в осаде. В этой ситуации Петр I сделал все, что было в его силах – подписал и отправил грамоту хунтайджи. В ней сообщалось, что строительство крепостей идет для разведки «серебряных, и медных, и золотых руд» и санкционировано лично им. При этом Петр просил хунтайджи о содействии в этих разведках. С этим посланием из Тобольска в Джунгарию в марте 1717 года был послан майор Вильянов, приехавший в ставку хунтайджи в Ургу 27 июня, но принятый Цыван-Рабданом только в марте 1718 года, когда все события вокруг Ямышевской крепости уже давным-давно закончились и надо было решать совсем иные вопросы.

Что касается самого Ивана Бухгольца, то после его возвращения в Тобольск у подполковника произошел очередной конфликт с Гагариным. Бухголец фактически взял губернатора за грудки и потребовал ответа на вопрос, почему тот послал его солдат на верную смерть. Подполковник доказывал, что Гагарин ввел царя в заблуждение своим донесением в 1714 году, что Яркенд находится от Тары «в полтретья месяца нескорою ездою», но, как выяснилось, «расстояние от Ямышева до Еркета немалое: ходят недель по осьми и больше».

В действительности Яркенд отделяло от русских владений в Юго-Западной Сибири вообще более трех тысяч верст – Киргизская степь, Тянь-Шаньский хребет и Восточный Туркестан. Пройти это расстояние без баз снабжения, да еще по недружественным землям, было просто невозможно. Так что в своих обвинениях Бухголец был совершенно прав. С самого начала его экспедиция являлась авантюрой, стоившей России около трех тысяч погибших и огромных материальных издержек.

Кроме того, губернатор лгал, когда писал о возможности дипломатическими средствами решить вопрос о разведке руд в Джунгарии.

Со своей стороны, Гагарин доказывал, что все могло бы сложиться самым лучшим образом, если бы Бухголец своей прямолинейностью не спровоцировал вооруженный конфликт с джунгарами. Разругавшись вконец с Гагариным, Бухголец выехал в Петербург для личного доклада царю Петру.

В губернской канцелярии тем временем подсчитывали убытки. Под Ямышевской крепостью ойраты захватили в плен 419 человек. Убито и померло от ран 133 человека. Вместе с обозом ойроты захватили казну отряда – 9885 рублей 50 копеек, и 2355 лошадей. Помимо прямых убытков неудача экспедиции вызвала ответные действия джунгаров в Юго-Западной Сибири. В 1716 году ободренные успехом ойраты сожгли десять деревень, острог и монастырь. При этом убили около сотни человек, а около двухсот угнали в рабство. Ущерб от их вторжений оценивался на сумму в 91 561 рубль 46 копеек. Кроме того, в Джунгарии было задержано 28 российских купцов. Все имеющиеся у них товары и деньги были конфискованы. Таким образом, общий ущерб России, нанесенный ойратами, составил внушительную сумму в 135 613 рублей.

Что касается дальнейших сношений с джунгарами, то в начале 1716 года Гагарин отправил в ставку к хунтайджи своего посла – сына боярского Мартемьянова, с протестом против разорения Ямышевской крепости и с требованием «...на того зайсана управы и о возвращении взятого». Больше никаких сведений ни о сыне боярском Мартемьянове, ни о его посольстве не имеется. Возможно, что Мартемьянов погиб или попал в плен к казахам, так как до ставки джунгарского хана он явно не доехал.

Чтобы оставить земли Ямышева-озера за собой, летом следующего, 1717 года в разрушенную Ямышевскую крепость Гагарин направил отряд подполковника Сибирского драгунского полка Федора Матигорова. Особого резона в этом походе не было. Воинский отряд лишь поднял над разрушенной крепостью флаг, продемонстрировав незыблемость российских намерений. Джунгары отнеслись к этой акции спокойно, кроме отдаленных разъездов, ничем отряд

Матигорова не беспокоя. Обозначив свое присутствие на Ямышевом-озере, майор Матигоров к зиме вернулся обратно в Тобольск.

* * *

Так в чем же была причина неудачи экспедиции? Как обычно бывает, провал экспедиции стал закономерным финалом целой череды просчетов и недоработок. Начнем с того, что сама цель экспедиции была неосуществима. До «золотого Яркенда» отряд Бухгольца не дошел бы даже при самых благоприятных обстоятельствах. Кроме этого отряд был заведомо слаб по своему составу. Большинство солдат, как мы уже говорили, были «сырыми рекрутами». Идти с рекрутами в столь тяжелый и опасный поход было уже безумием. Понимая это, Бухголец неоднократно писал об этом царю, настойчиво прося подкреплений: «...нужду имею в обер- и унтер-офицерах, а сержантов и капралов ни единого... все люди новые и у дел нигде не бывали».

Плохо обученные и незаколенные службой рекруты в походе массово болели и умирали. Бухголец все это видел, но изменить ничего не мог. Считая свой отряд слабым для выполнения столь грандиозной задачи, как поход от Тобольска до китайской границы, в донесениях в Петербург он постоянно выражал недовольство деятельностью сибирской администрации по организации и обеспечению его отряда. «Экзерциции (экзерциция – упражнение) они не знают, – писал Бухголец о своих подчиненных, – зимой и весной нынешней принимал и муштровал и всякую амуницию делал и пушки лили».

В немалой степени экспедиция не достигла своей цели по личной вине Матвея Гагарина. Помимо всяческих политических интриг, генерал-губернатор как мог урезал на экспедицию и финансовые средства. Дело дошло до того, что последний не имел в отряде даже лекаря и аптеки, что негативно сказалось во время вспышки заразных заболеваний в осажденной крепости.

Столкнувшись в Тобольске с полной безучастностью Гагарина к делам экспедиции, Бухголец писал с обидой царю Петру: «Во всем мне от него великое задержание. В Тобольске, государь, как я прибыл, припасов воинских, лядунок, перевязей, портупеев, лопаток, заступов, кирок, мотыг, ломов, топоров, буравов, долот, ни к пушкам ядр и никакой амуниции, ни телег походных, ни ящиков патронных, ни людям мундиру ничего не было, о чём о всем сведом господин губернатор... А подлинного и вернова ведомца о песошном золоте близ Яркета господин губернатор мне не дал».

Интересно, что Иван Бухголец и Матвей Гагарин по-разному оценивали причины неудачи экспедиции. Каждый, разумеется, считал себя правым. Если, с точки зрения генерал-губернатора, подполковник не предпринял достаточных дипломатических усилий для установления мирных отношений с джунгарами, чем спровоцировал их нападение, то версия Ивана Бухгольца основывалась на ненадлежащей подготовке, недостатке средств и ресурсов.

Сибирский историк П.А. Словцов, касаясь инициативы генерал-губернатора в посылке экспедиции И.Д. Бухгольца за «песошным золотом» в верховья Иртыша, расценил ее именно как заведомую авантюру: «Если государь заблагорассудил отослать в Сенат на рассмотрение фантастическое представление Гагарина, в котором ни одна строка не смотрит прямо, Сибирь не понесла бы столько жертв. Ибо с чего взял губернатор, что контайша духа воинственного будет смотреть равнодушно на крепости, владения его разрывающие? Откуда достать продовольствия отряду, в степь углубляющемуся?»

На взгляд сегодняшних казахских историков, экспедиция не удалась еще и потому, что Бухголец не установил связь с казахскими родами, кочевавшими в районе движения экспедиции и находившимися в состоянии перманентной войны с джунгарами. Именно в этом районе «люди казачьей орды отбили у джунгар русского офицера Маркела Трубникова. Казахские

воины якобы могли бы оказать эффективную помощь русскому отряду. Возможно, что так действительно могло быть, но на самом деле никто не может сказать, был ли тогда у казахов стимул ввязываться с джунгарами из-за русских уже не в приграничную, а в большую войну.

* * *

Неудача экспедиции подполковника Бухгольца, впрочем, имела и неожиданный результат. Увидев, что русские так же, как и они, вступили в войну с джунгарами, казахские ханы решили заручиться поддержкой русского царя, тем более что темник Цырин-Дандоб начал разорять казахские улусы, угоняя в полон много людей. Осенью 1715 года в Казань выехало посольство казахского хана Абулхаира, чтобы при российском посредничестве подписать мир с башкирами. Год спустя в Тобольск приехали посланцы верховного казахского хана Кайып-Мухаммеда (на Руси его звали просто – Каипа) уже с более серьезными целями – заключить военный союз против джунгар. В качестве жеста доброй воли батыры Бекбулат Екешев и Багдаулет Буриев привезли генерал-губернатору Гагарину отбитого у джунгар поручика Михайлу Трубникова. Князь Гагарин посланцев принял со всем почтением, так как и сам горел мщением джунгарам. Но в Петербурге посчитали, что усиление одного ханства за счет другого не имеет для России никакого смысла. К тому же сильная Джунгария противостояла агрессивной Цинской империи, с которой у Петербурга было свое соперничество в Восточной Сибири.

Срыву переговоров способствовал и неожиданный набег хана малого жуза Абулхаира на Новошешминск. После этого стало очевидно, что казахские ханы – союзники весьма ненадежные. И хотя хан Кайып приносил извинения за сей случай, писал, что истинным виновником этого набега является некий беглый российский подданный Сеит, обещая прислать его голову, но и этого своего слова не сдержал. Кроме того, по степи гуляло много разбойных шайек, так называемых вольных батыров, которые вообще никому не подчинялись и совершали набеги так, как им хотелось. Особенно зверствовал некий Танабай с шайкой в три десятка всадников, совершавший дерзкие набеги на сибирские остроги. В результате Кайып и Абулхаир остались без русской помощи.

Впрочем, это их не остановило, и в степи началась жесточайшая казахско-джунгарская война. Поначалу успех склонялся на сторону казахов, но затем в трехдневной битве на реке Аягуз тридцатитысячное войско казахских ханов было наголову разгромлено. В данном случае казахов подвела, прежде всего, несогласованность действий соперничавших между собой ханов Абулхаира и Кайыпы, а также внезапный удар джунгар с тыла. Потери казахов были огромными, но Кайыпа с Абулхаиром каким-то чудом спаслись.

Победа при Аягузе стала звездным часом контайши Цыван-Рабдана. Ранее победив отряд Бухгольца и захватив после этого Тибет, джунгарский предводитель отныне стал почти-таем в Великой степи наравне с Чингисханом. Закрепляя свой успех, Цыван-Рабдан весной 1718 года совершил еще один опустошительный набег на казахов, так сказать, поставил точку. Наступала пора последнего взлета Джунгарского ханства, взлета, за которым последует сокрушительное падение, полное исчезновение и столь же полное забвение всего джунгарского народа. Эпоха самостоятельных кочевых ханств заканчивалась, и спасти ее уже не могло ничто...

После поражения при Аягузе Кайып-хан снова попытался заключить союз с русским царем, но Петр в очередной раз от этого ненадежного союза уклонился. После неудачи Бухгольца на границах Джунгарии он охладил к продвижению в далекие степи, не видя там четких перспектив. Поэтому воевать в ненужных степях с одними кочевниками против других ему тоже было не нужно. Однако польза от этих переговоров все же была, так как отношения Петербурга с казахскими ханами стали более тесными. Так, казанский губернатор Петр Сал-

тыков отправил к Кайыпе своего секретаря Жилина с предложением принять российское подданство. На прощание Салтыков напутствовал Жилина так:

– Передай хану Кайыпе государеву волю. Ежели станут его люди российскими подданными, то и защищать их будем, а коли нет, то тогда извините. Нечего нам за чужие животы свои головы класть!

Предложение Жилина вызвало раздражение у хана и его окружения. Кайыпа был раздосадован такой позицией русских. А султан Аблай по кличке «Канышер», что означает «кровопийца», вообще самовольно арестовал и Жилина, и его конвой.

Лишь год спустя, одумавшись, казахи отпустили секретаря домой. Вместе с ним в Казань отправился просить прощения за своеволие Аблая некий батыр Тайкомур. С собой он вез письмо Кайыпы, где тот снова просил о военном союзе против джунгар. Честно говоря, неизвестно, на что вообще надеялся тогда казахский хан. После коварного пленения Жилина ни о каком союзе вообще не могло быть и речи. Об этом и написал наивному хану в ответном письме казанский губернатор Салтыков. Но узнать об очередном отказе Кайыпа уже не успел. На исходе 1718 года он был убит подосланными убийцами из Среднего жуза, где мечтали перехватить верховную власть в степи. Но задумка убийц провалилась. Большая часть племен признала верховным ханом Младшего жуза Абулхаира. Наряду с этим он по-прежнему оставался и ханом Младшего жуза. Сын же Кайыпа, Батыр, стал султаном среди ногайцев рода алшинов-алимулы, откочевавших из-за набегов калмыков к казахам за Эмбу. Разумеется, для сына верховного хана казахских степей это было унижением.

То обстоятельство, что вопреки традициям старшим казахским ханом стал хан Младшего жуза, объяснялось исключительно личным авторитетом Абулхаира. Новый хан был настроен решительно. Он прекратил бесполезные русско-казахские переговоры и вместе со своими батырами продолжил войну с джунгарами, которая протекала с переменным успехом. При этом Абулхаир не чурался, по степному обыкновению, и откровенного разбоя. Так, в 1718–1719 годах его казахи дважды осаждали Яицкий городок, так и не сумев его взять, а также при всяком удобном случае нападали на союзных нам калмыков. Справедливости ради следует сказать, что и калмыки своего не упускали и не раз грабили союзных казахов. Впрочем, так было в Великой степи во все времена.

* * *

Что же касается Ямышевской крепости, то, несмотря на неудачу первого похода, царь Петр приказал ее восстановить как передовой форпост на юго-востоке российских земель. Как мы уже писали выше, осенью 1716 года к развалинам крепости был послан достаточно сильный отряд подполковника Федора Матигорова восстанавливать крепость, «дабы то, в чем Бухголец, по его мнению, погрешил, исправить». Чуть позднее Ямышевская крепость была усилена еще и отрядом подполковника Прокофия Ступина, в составе двух хорошо обученных пехотных полков. После этого вопрос о том, кому принадлежат земли вокруг Ямышева-озера, был снят с повестки дня окончательно.

К этому времени крепость представляла собой уже не наскоро построенный пограничный острог, а вполне современную, отвечающую всем законам европейской фортификации, удобную и мощную крепость, спроектированную и выстроенную по чертежам знаменитого инженера Вобана.

Строили новую Ямышевскую крепость не абы как! Ее проект был разработан в Петербурге. Одним из его разработчиков был знаменитый прадед А.С. Пушкина – инженер Абрам Ганнибал, который предложил сразу два варианта – шестиугольный и четырехугольный. Выбери, что душе угодно! Выбрали шестиугольную. При этом строил новую крепость пленный шведский инженер – артиллерийский поручик Каландер.

Надо сказать, что поручик Каландер постарался на славу и выстроил действительно мощную крепость 2-го класса (крепостью 1-го класса тогда являлась Петропавловская крепость в Санкт-Петербурге!): «регулярная крепость полушестиугольником с двумя к стене сделанными болверками и двумя половинами, к Иртышу приведенными», с высокими стенами двухметровой толщины из обожженного кирпича. Впереди основных укреплений были сооружены предмостные редуты, а крепостная артиллерия усилена мортирами.

По сведениям историка и географа Сибири академика Г.Ф. Миллера: «Ямышевская крепость с первого ее строения нарочито знатным и жилым местом учинилась. По обеим сторонам крепости две слободы построены, которые с ноля полисадом и рогатками обнесены, а где полисадник к Иртышу приведен, там малые четвероугольные редуты с высокими башнями построены, с которых степь вокруг видеть можно. Другой такой же редут находится в пяти верстах от крепости к Соленому озеру, однако несколько в сторону, на холме».

Пока шла постройка, подполковник Ступин настойчиво искал то, что его предшественник Бухголец спрятал в подземных тайниках. По косвенным сведениям, которые сообщил ему в Омской крепости преемник Бухгольца, майор Вельяминов-Зернов, после осады экспедиция не могла увезти все, поэтому много оружия, боезапаса и часть денег были вынужденно зарыты. Нашел что-то Ступин или нет, нам неизвестно. На самом деле вообще непонятно, почему он вообще что-то искал, ведь в составе отряда Матигорова, как и в отряде самого Ступина, были участники экспедиции Бухгольца, которые сами и закапывали боевые припасы. Так что, скорее всего, хотя бы часть закопанного, думается, все же была найдена.

Когда над степью появились мощные стены, с вышины которых вдаль глядели жерла многочисленных пушек, джунгары окончательно развернули своих коней вспять и более в окрестностях Ямыш-озера уже не показывались, молчаливо признав за Россией право на эту землю.

* * *

Что касается Гагарина, то он продолжил движение отрядов вверх по Иртышу, хотя уже не в таком масштабе, как раньше. Вскоре после возвращения Бухгольца генерал-губернатор отправил казачью сотню во главе с сыном боярским Иваном Калмаковым по восточному берегу Иртыша, к озеру Нор-Зайсану. Озеро располагалось на востоке Казахстана, в долине между горными хребтами, совсем рядом с китайской границей. В это озеро впадал Иртыш своим верхним течением – Черным Иртышем. Калмаков имел задачу разведать путь и присмотреть место для возможной будущей крепости. По замыслу Гагарина именно крепость на берегу Зайсанского озера должна была в перспективе стать конечной точкой выстраиваемой новой пограничной линии.

Двигаясь вверх по течению Иртыша, Калмаков прошел путь от Ямышева-озера до озера Зайсан в две недели без всяких препятствий, провел разведку озера, но крепости там ставить не стал. Прежде всего, Гагарин опасался, что очередная крепость уже на самой китайской границе вызовет негативную реакцию сановников Поднебесной. Как отнесутся китайцы к внезапно возникшей у них под носом крепости, было неясно. При этом в случае нападения на крепость помочь ей было просто невозможно. Ближайшая Ямышевская крепость сама была почти отрезана от основных коммуникаций, находясь в четырехстах верстах от ближайшей, Омской, крепости. Чего уж говорить о построенном остроге на далеком Зайсане! Поэтому Гагарин принял единственно правильное решение. На Зайсане он ограничился лишь разведкой, а ресурсы направил на создание промежуточных крепостей по Иртышу. Для начала решили поставить крепость примерно на равном расстоянии между Ямышевской и Омской крепостями, при впадении в Иртыш реки Железинки. Этим занялся отряд казаков во главе с сыном боярским Петром Свиерским. Уже в 1718 году промежуточная деревянная крепостица была выстроена, получив название Железинской.

Одновременно из Тары был послан дворянин Василий Чередой с казаками для поиска подходящего места крепости выше Ямышевской. Чередов дошел до верхнего устья протоки Иртыша – Калбасунской Заостровки. Там он поставил зимовье и зазимовал. Весной отряд вернулся в Тару. В том же году на разведанное Чередовым место прибыл отряд подполковника Ступина, который поставил в месте впадения в Иртыш Калбасунской Заостровки Семипалатинскую крепость. В своем письме генерал-губернатору подполковник доносил: «...Деревянная (крепость. – *В.Ш.*) четверугольная и со всех сторон в равной силе, потому что там берег реки Иртыша полог, и крепость таково ж с речной, как и с полевой стороны, может быть атакована».

Несмотря на трагедию отряда Бухгольца, Петр так и не заключил военного договора против Джунгарии, хотя склоняли его к этому не раз. Так, генерал-губернатор Гагарин сообщил царскому секретарю Макарову о том, что китайские наместники сопредельных с Джунгарией провинций предложили ему начать совместную войну против Джунгарии, но он им отказал, решив поддерживать мир с Цыван-Рабданом и призывать его в российское подданство. Чуть позднее китайские сановники, уже по поручению императора Сюань Е, начали переговоры с русским послом Измайловым о совместных действиях против Джунгарии, но хитрый посол отказал им не только в военном союзе, но даже в дипломатической поддержке.

Глава шестая

Между тем стугнулись тучи вокруг самого генерал-губернатора Сибири Матвея Гагарина. Сведения о том, что сибирский генерал-губернатор очень уж часто запускает свою руку в государственную казну, доходили до Петра давно. Например, в свое время на Гагарина поступила серьезная жалоба от сибирских дьяков Ивана Чепелева и Афанасия Герасимова. Они обвиняли сибирского губернатора в том, что он допускает к торговле с Китаем исключительно своих друзей, вместе с которыми получает себе «превеликое богатство». Узнав об этом, Петр приказал Гагарину немедленно выслать из Сибири всех родственников и друзей. Одновременно началось расследование и причин, почему поступающие из Сибири платежи с каждым годом становились все меньше и меньше.

За этим последовал донос обер-фискала Нестерова, самого весьма склонного к воровству: «Проведал я подлинник, что князь Гагарин свои и других частных людей товары пропускает в Китай под видом государевых с особенными от него назначенными купчинами, отчего как сам, так и эти его приятели получают себе превеликое богатство, а других никого к Китайскому торгу не допускают; от этого запрета и бесторжицы многие пришли во всеконечное оскудение. Предлагал я в Сенат, чтоб послать в Сибирь верного человека и с ним фискала из купечества для осмотра и переписки товаров в последнем городе, куда приходит караван, но учинить того не соизволили».

Тогда, как мы уже писали, царь приказал Гагарину выдворить из Сибири всех родственников и друзей, что тот и сделал. На этом тогда Петр успокоился.

В 1715 году Гагарина вызвали в Санкт-Петербург. Теперь следственная комиссия князя Василия Долгорукова расследовала причины низких платежей, поступающих из Сибири. Однако и на этот раз все для Гагарина закончилось благополучно. Комиссия Долгорукова завершила следствие в его пользу. Однако спустя два года последовали новые доносы, и дело Гагарина было передано комиссии Дмитриева-Мамонова, куда входили гвардейские офицеры Лихарев, Пашков и Бахметев, выявившие новые хищения. Чтобы их покрыть, Гагарин немедленно вернул в казну 215 тысяч рублей, но за Сибирской губернией числилась недоимка по таможенным сборам еще более чем на 300 тысяч рублей, которые генерал-губернатор восполнить уже не смог. В 1718 году Гагарина вызвали в Санкт-Петербург, где он участвовал в Верховном суде по делу царевича Алексея Петровича.

К этому времени следственная комиссия выявила нечто большее, чем недоимки. Появились свидетельства, что Гагарин якобы замышляет отделить Сибирь от остальной России и сам желает там единолично царствовать. Эта новость привела Петра в бешенство. В январе 1719 года Матвея Гагарина отстранили от должности и арестовали. Новым сибирским генерал-губернатором был назначен князь Алексей Черкасский. Князь Черкасский был сказочно богат, а потому неподкупен, но, по мнению современников, был «человек молчаливый, тихий, коего разум никогда в великих чинах не блистал, повсюду являл осторожность».

Неожиданное возвышение смутило Черкасского, который поспешил обратиться к царю с письмом, в котором объяснял, «что за великую напасть приемлет отлучение от Его Величества, никогда добровольно не согласился бы на сие и, сколь ни лестно для него избрание Монаршее, он с радостью и охотно готов нести самотруднейшие должности, только бы не отлучаться от него». Петр, однако, остался непреклонным: «Я бы охотно исполнил Ваше прошение, – ответил он Черкасскому, – ежели бы мог скоро сыскать достойного человека, но ныне не знаю. Того ради надлежит Вам без оскорбления сие учинить. Ибо по истине не за какую Вашу противность сие Вам посылаю, но для двух причин: первое, что Вы там были и знаете, другое, что вскоре сыскать другого надежного в такую отдаленную сторону не мог. Однако же, в том можешь

надежен быть, что, когда там распорядишь и добрый анстальт учинишь, и о том отпишешь, тогда непременно Вас переменим по Вашему желанию».

Назначение генерал-губернатором Сибири князя Черкасского было ошибкой Петра, так как он был мало пригоден для кипучей деятельности, разворачивавшейся в те годы на просторах Сибири.

– Ладно, будешь пока хоть воров и мздоимцев гонять, впредь до нахождения другого достойного! – таково было окончательное царское решение.

Забегая вперед, скажем, что поиски нового достойного губернатора затянулись на долгих пять лет. Надо ли говорить, что в 1719 году князь Алексей Черкасский в Тобольск совсем не торопился, выжидая, пока закончится расследование по его предшественнику, которое выявит все недостатки, чтобы только после этого принять хлопотную и опасную должность.

Поэтому в январе 1719 года царь Петр решает послать в Сибирь доверенного человека, который бы на месте окончательно разобрался с доносами о хищениях и взятках, а главное – о сепаратистских намерениях князя Гагарина, а кроме этого провел объективное следствие о причинах неудачи экспедиции Бухгольца. Выбор царя пал на майора гвардейского Семеновского полка Ивана Лихарева.

Иван Лихарев происходил из семьи стольника, дослужившегося до воеводы городка Романов. В службу вступил в 1700 году солдатом в лейб-гвардии Семеновский полк. Проявил храбрость в несчастной для нас битве при Нарве, за что был отмечен особым знаком и сержантским чином. За участие в штурме крепости Нотебург два года спустя получил серебряную медаль, затем штурмовал Ниеншанц и участвовал в кровавом abordage двух шведских судов в устье Невы, чудом оставшись живым. За это был награжден уже золотой медалью. В дальнейшем отличился при штурме Нарвы в походах на Гродно, Брест и в Польшу. Карьера у Лихарева быстро шла в гору. Вскоре дослужился до поручика, а в 1707 году был произведен в капитаны и возглавил роту. Петр хорошо знал своих гвардейских офицеров и лично продвигал их по службе. Обратил он внимание и на Лихарева. В битве со шведами у деревни Лесной на Днепре офицеры и солдаты лейб-гвардии Семеновского полка вновь проявили массовый героизм. «Ружья раскаливались от выстрелов, люди дрались до изнеможения», – доносил Петру I об этом сражении командир полка Михаил Голицын. Затем было участие в знаменитой Полтавской битве и получение от царя очередной золотой медали и его портрета. В 1710–1716 годах Иван Лихарев непрерывно в походах и боях. Он участвовал в осаде Выборга, в походах в Вильно, Дерпт и Гамбург, в разгроме шведов под Швабштадтом, в бою при Вазах в Финляндии. Зная храбрость и честность Лихарева, Петр во время походов непременно в свою охрану определял именно его роту, кроме этого давая ее командиру и отдельные секретные поручения. В частности, Лихарев решил непростой вопрос с закупкой нового обмундирования полка во время похода в Данию. В ноябре 1717 года капитан в числе нескольких других офицеров-семеновцев был вызван Петром I из Пскова, где полк устраивался на зимние квартиры, в Петербург. Там молодой капитан был включен в состав военного суда, учрежденного для рассмотрения дела по обвинению руководителя следственной канцелярии князя Волконского в должностных преступлениях. Лихарев был определен помощником-ассессором одной из следственных канцелярий, под началом своего же батальонного командира майора Дмитриева-Мамонова. Год спустя Лихарев получил майорский чин. Комиссия расследовала ряд значительных дел, в том числе сенатора князя Долгорукого и других. В 1718 году царь включил офицера-семеновца в состав судебного присутствия, приговорившего к смерти царевича Алексея Петровича. Под приговором о смерти царевича рядом с подписью князя Гагарина стояла и подпись Лихарева. Что сказать, человеком был майор Иван Лихарев в боях испытанным, да и в делах тайных проверенным. Лучшей кандидатуры для задуманных Петром дел в Сибири найти было невозможно.

* * *

Январским днем 1719 года в Семеновский полк прискакал гонец Петра I с приказом лейб-гвардии майору Лихареву срочно прибыть к государю. Прибывшего Петр встретил радушно. Рассказал ему о неудачах экспедиции Бухгольца, сокрушаясь:

– Знакомый тебе Бухголец не только не разведал, в каких местах и каким образом золото промышляют, но и понес большие потери в людях. Впрочем, непонятно мне и ничего неделание губернатора сибирского Гагарина, коему я повелевал направить к калмыцкому контайше посла, чтобы известить об экспедиции Бухгольца, который поплывет из Тобольска по Иртышу искать золотые руды и ставить пограничные остроги, чтоб контайша никакого опасения не имел и нам никакие пакости не чинил. Помимо этого я лично писал и Гагарину, и Бухгольцу, чтобы жили с соседскими джунгарами в мире и дружбе. Однако все вышло наоборот. С джунгарами начали воевать, из-за чего построенную у Ямышевского озера крепость и много людей потеряли. Кроме сего приходит мне много жалоб на губернатора Гагарина, который с другими посаженными в сибирских городах воеводами берет взятки преогромные. Посему мое решение такое: тебе немедля ехать в Тобольск, где провести расследование злоупотреблений Гагарина и причин неудачи экспедиции Бухгольца, а заодно возглавить новую экспедицию в верховья Иртыша. Готов ли ты, Иван, взяться за столь многотрудное и многоопасное дело?

В ответ Лихарев поблагодарил царя за столь большое доверие и поклялся, что жизнь положит, но все порученное исполнит.

После этого Петр уже уточнил ряд задач:

– Как доброму и честному офицеру я повелеваю тебе особо проведать о золоте – подлинно ли оно есть. А от кого Гагарин об этом сведал, тех людей сыскать. А ежели найдутся такие люди, то привлечь их к экспедиции, чтобы они указали путь до мест золотоносных. При наличии строевого леса по Иртышу строить крепости. Одновременно проведать о пути от озера Зайсана к реке Амударье, далеко ли эта река и возможно ли до нее дойти.

После этого лейб-гвардии майору Лихареву был вручен царский указ, который гласил: «...Как доброму и честному офицеру надлежит... всеми мерами освидетельствовать по сказкам помянутого Гагарина и подполковника Бухгольца о золоте... подлинно ль оно есть и от кого он, Гагарин, сведал, тех людей сыскать, так же и других ведомцев (местных жителей. – *В.Ш.*). Ежели найдутся оные, ехать с ними до тех крепостей, где посажены наши люди, и там разведать стараться сколько возможно, дабы дойти до Зайсана озера. И ежели туда дойти возможно и там берега такие, что есть леса и прочие потребности для жилья, то построить у Зайсана крепость и посадить людей. А как туда едучи, так и построя крепость, проведывать о пути от Зайсана озера к Иркети, сколько далеко и возможно ль дойти, также нет ли вершин каких рек, которые подались к Зайсану, а впадали в Дарью реку и Аральское море. Сие все чинить, сколько возможно, а в азарт не входить, чтобы даром людей не потерять и убытку не учинить. Также розыскать о подполковнике Бухгольце, каким образом у него Ямышевскую крепость контайшинцы взяли, также и о прочих его худых поступках свидетельствовать; и о том о всем, что тебе к тем делам будет потребно, Сибирской губернии к ландратам и прочим управителям послушной указ послан. Петр. Января 18 день 1719 году».

Выйдя от Петра, здесь же, в царской канцелярии, Лихарев выяснил, что Иван Бухголец находится сейчас в столице, где занимается написанием отчетов о своей экспедиции. Разумеется, Лихарев первым делом сыскал Бухгольца. Офицеры были меж собой давным-давно знакомы. Семеновский и Преображенский полки на протяжении долгих лет и в походах, и в баталиях всегда рядом, а потому их офицеры не только приятельствовали, но почитали друг дружку братьями. Лихарев же с Бухгольцем и вовсе одновременно командовали ротами в своих полках, а потому и общались весьма близко.

– О тебе же государь требует выяснить, каким образом у него Ямышевскую крепость контайшинцы взяли, а также о прочих твоих худых поступках.

– О том, как с калмыками в зимней степи насмерть стояли, я тебе расскажу со всею подробностью, а вот худых поступков за собой не числю, так как всегда служил и служу не за честь, а за совесть.

– Это я и сам знаю! – мрачно хмыкнул Лихарев, водку из штофа разливая. – Ну, давай сначала за встречу!

Выпили, крякнули, по тогдашнему обыкновению, корочками хлебными закусили.

Надо ли говорить, что при встрече приятели были друг с другом предельно откровенными. Лихарев не скрывал порученного ему царем, Бухгольц рассказал все, что знал о сибирских делах, поделился опытом общения с джунгарами и особенностями организации плавания по сибирским рекам.

– Изволь спросить тебя, Иван, каким же образом Ямышевскую крепость контайшинцы все же у вас взяли? Поведай мне также о прочих худых поступках, ежели они были! – вызывал Лихарев на откровенность собеседника.

Тот без утайки рассказывал все честно и подробно.

Сразу же после разговора с Бухгольцем Лихарев представил в царскую канцелярию рапорт, прося «послать с ним одного капитана-инженера и при нем из академии одного или двух учеников и инструменты для подлинного описания тамошних мест», а также лекарей, лекарских учеников, рудного мастера «для сыску и опознания руд». Кроме того, он просил «чтоб для посылки с ним в Сибирь указано было дать ему Семеновского полка капитан-поручика Шаховского, да из Преображенского полка одного обер-офицера да двух унтер-офицеров и 12 солдат для случающихся нужных посылок». На рапорте Лихарева Петр начертал лаконичное: «Быть по сему». Помимо письма царю опытный в делах канцелярских Лихарев направил и письмо в Сенат, где попросил ввиду сложности предстоящих дел наделить его серьезными полномочиями. Сенат письмо Лихарева рассмотрел и все просьбы его удовлетворил. Помимо этого, в Сибирскую, Петербургскую, Московскую и Казанскую губернии, через которые лежал путь Лихарева, были направлены «послушные» указы об удовлетворении нужд экспедиции.

Что касается подполковника Ивана Бухгольца, то, по результатам доклада Лихарева, он был Петром полностью оправдан. Более того, за верную службу на дальних границах Бухгольцу был даден полковничий чин.

* * *

Посылая в Сибирь Лихарева с весьма ответственным заданием, Петр основывался, прежде всего, на его всегдашней честности и приобретенном опыте в расследовании самых серьезных преступлений. Однако Петр не был бы самим собой, если бы ограничился для посланца одним поручением. Поэтому помимо дел дознавательных Лихареву препоручалось «трудиться всеми мерами освидетельствовать... о золоте еркетском», для чего «...ехать... до тех крепостей, где посажены наши люди и там, разведав, стараться сколько возможно дойти до Зайсан-озера, и... построить у Зайсана крепость и посадить людей... проведывать о пути от Зайсана озера к Иркети». Таким образом, царь фактически утвердил старые замыслы Гагарина по постройке на Зайсане пограничной крепости.

Под начало Лихарева Петр назначил небольшую, но профессиональную команду, на базе которой майор мог в случае необходимости сформировать полноценный полк. От Преображенского полка Лихареву были дадены: капитан Урезов, поручик, два сержанта, капрал и дюжина опытных солдат, а из армейских полков выделены: майор, капитан, три поручика, артиллерийский инженер-капитан с бомбардирами, канонирами и фузилерами. Помимо этого, в команду вошли два морских геодезиста – Иван Захаров и Павел Чичагов (дядя будущего

адмирала В.Я. Чичагова), да два лекаря. Во главе этой команды Лихарев и направился из Москвы в Тобольск обозом в сто девять саней.

Прибыв туда весной 1719 года, он помимо порученного ему дознания энергично занялся подготовкой будущей экспедиции, сбором сведений об Иртыше и Яркенде.

– Только что прибыл боярский сын Калмаков! – доложил ему адъютант. – Желает быть принятым, потому как считает себя в здешних делах знающим.

– Я вашим неграмотным боярским детям не доверяю! – нахмурился Лихарев. – Государь мне поручил лично решить вопрос с Зайсаном, и я его решу. А определять место для будущей крепости станут не полупьяные казаки, а ученые геодезисты из Адмиралтейств-коллегии!

– Дело ваше! – только и передернул плечами боярский сын Калмаков, обидевшись за такой прием.

Не теряя напрасно времени, Лихарев отправил к озеру Зайсан геодезистов под командованием гвардейского капитана Урезова, чтобы составлять генеральные ландкарты земли сибирской.

Геодезисты ценились в те годы на вес золота и отбирались лично царем. Поэтому отношение к ним было соответствующее. За руку здороваться с ними не брезговали даже генерал-губернаторы. Простой же люд к геодезистам относился, как к колдунам и шаманам. Еще бы! Смотрят в какие-то трубочки, выкрикивают какие-то непонятные слова и записывают что-то мелким почерком в свои записные книжечки. А за это им от всех начальников полный почет и уважение. При каждом геодезисте в обязательном порядке состоял служилый человек, который вез огромный корф, наполненный совершенно непонятными обывателю приборами: квадрант с угломером, астролэбией и феодалитом, компас с готовальней, транспортирами, линейками и циркуль-сажень, а также обязательной в геодезическом деле мерной железной цепью в 30 сажень.

Урезов и его спутники с задачей справились. Они впервые осуществили описание берегов Иртыша и его притоков, произвели замеры глубины низовой реки, побывали на Черном Иртыше, наметили несколько возможных вариантов размещения будущей крепости.

* * *

Занятый следственными делами и подготовкой военного похода, Лихарев решил сначала отправить вверх по Иртышу небольшой отряд для знакомства с условиями плавания, а также обследовать местности вокруг озера Зайсан. «Мая 9-го дня, как лед вскрылся» из Тобольска в Семипалатную крепость выехали «поручик Сомов, да от гвардии сержант, 2 человека солдат, пушкарей 3 человека, да навигатор» – один из двух прибывших в команду гвардии майора геодезистов, фамилия которого в документах не названа. «А из Семипалатной крепости подполковнику Ступину велено отправить к Зайсану озеру водою на легких судах капитана и помянутого поручика с посланными, дав им солдат от 100 и до 200 человек, и от артиллерии для охранения малых пушек по рассмотрению».

24 июля экспедиционный отряд под командованием капитана Андрея Урезова отправился из Семипалатной крепости на лодках вверх по Иртышу. С 21 августа по 5 сентября они обследовали озеро и нижнее течение впадающей в Зайсан реки Черный Иртыш. 15 октября отряд вернулся в Тобольск.

В письме Петру I от 16 ноября 1719 года Лихарев сообщал царю: «И оные посланные от Зайсана в Тобольск прибыли октября 15-го числа. А что оные посланные учинили, о том до вашего величества послал я подлинное ведение и карту... лейб-гвардии с капитаном поручиком князем Шаховским. Да ис посланных, которые посланы были от меня к Зайсан озеру, от гвардии сержанта да навигатора».

Итак, геодезист, побывавший в 1719 году в истоках Иртыша, был послан в Петербург вместе с итоговой картой, составленной в Тобольске. Экземпляры новой карты были доставлены в Сенат и царю. Надпись на обороте гласила: «Два чертежа, присланные из Сибири лейб-гвардии от майора Лихарева в 1719 году. Доношении об них словесно».

Петр I остался недоволен итогами экспедиции. 26 февраля 1720 года он продиктовал письмо Лихареву: «Господин майор, писма твои с Тобольска писанные до нас все дошли, в которых согласно пишешь о делах, что следовал ты за бывшим губернатором Гагариным в Тобольске. Но нам нужнее было, чтоб ты ехал сам по данному вам указу к Зайсан-озеру для проводывания о золоте и для осмотра водяного ходу. И хотя ты посылал туды офицера с навигатором, однако они совершенно о том не проведали. И для того по вскрытии льду поезжай туды сам наискорее...»

* * *

Однако сам Лихарев остался в Тобольске более чем на год. Прежде всего, он занялся розыском о злоупотреблениях Гагарина, а также, приняв под свою команду гарнизоны новопостроенных крепостей, проводил работы камеральные, одновременно набирая рекрутов для комплектации своего отряда.

Перво-наперво Лихарев составил большой реестр нарушений, в котором были подробно расписаны все вины Матвея Гагарина: занижение реальных доходов губернии и взятки за винный и пивной откуп, вымогательства, угрозы купцам и присвоение казенных средств и т. д. Еще полтора десятка преступных эпизодов было установлено в отношении тобольского обер-коменданта Семена Карпова, который являлся ближайшим помощником губернатора во всех делах. В декабре 1719 года добавилось еще целая дюжина эпизодов. Солдаты и сержанты гвардии, состоявшие при Лихареве, проводили следствие в менее значительных населенных пунктах, где также выявили массовые злоупотребления.

Помимо экономических преступлений Гагарин обвинялся в том, что он задерживал дипломатическую почту, направляемую в Китай. На это пожаловались сами китайцы. Однако уже в следующем году китайское правительство написало письмо, в котором отказывалось от обвинений в адрес Гагарина. Впрочем, это уже никого в Петербурге не интересовало. Что же касается того, что Гагарин хотел отложить Сибирь от России, никаких прямых улик Лихареву найти не удалось, какие-то разговоры вроде бы ходили. Кто-то вспомнил, что во время одного из застолий об этом якобы в шутку говорил и сам генерал-губернатор. Но более существенных доказательств не было. Как бы то ни было, Лихарев собрал все свидетельства в кучу и отправил в Петербург – пусть там разбираются.

Прибыв в Тобольск, наладил Лихарев связь с комендантами Омской, Железинской, Семипалатинской и других крепостей. Отыскал в Тобольске он и людей, знающих или слышавших о золоте, на которых ранее ссылался Гагарин. На основании новых расспросов геодезисты составили чертежи местности предполагаемого пути. На них были нанесены реки, впадающие в Иртыш, и новые крепости. В Тобольске сыскалась старая карта верхнего Иртыша выше устья Оми, впрочем, изображение было выполнено весьма небрежно и схематично. Вместе с тем сия примитивная карта наглядно утверждала, что путь к таинственному Яркенту лежит на юго-запад, в сторону от Иртыша, и требует ухода от реки, поворота вглубь Джунгарии, если не от Ямышевского озера, то хотя бы от Зайсана. Лихарев ни один вечер просидел над небрежным планом и так мерил циркулем и этак. Наконец, позвал посоветоваться геодезистов-моряков Ивана Захарова и Петра Чичагова.

– Сей чертеж показывает, что движение от озера Зайсан к истокам Иртыша бессмысленно, поскольку уводит в сторону от цели. – обратился он к геодезистам за советом. – Возни-

кает вопрос, а надо ли нам подниматься до самых верховий Иртыша? Не правильной ли будет достичь Зайсана и разведать, возможен ли вообще дальнейший «водяной ход»?

Геодезисты с майором во всем согласились. Затем определяли, как строить работу картографическую в походе. Петр Чичагов озвучил мнение свое и Захарова:

– Для сбора сведений будем действовать двойкой. Во-первых, сами обследовать всю возможную землю, а во-вторых, о далеких неведомых местах опрашивать очевидцев, заслуживающих доверие.

Теперь уж пришла очередь соглашаться и Лихарева.

Как и раньше, у Бухгольца, офицеров в формируемом отряде Лихарева катастрофически не хватало. Лихареву было предложили взять на офицерские должности несколько пленных шведов, но тот отказался – шведам майор не доверял. Пришлось идти по тому же пути, что и его предшественнику – назначать на офицерские должности нижних чинов. В результате командный состав отряда выглядел следующим образом. Капитан-поручик Шаховской стал помощником при Лихареве и начальником его штаба, капитан-инженер Летранже возглавил мастеровых, майор Тютчев принял под команду над солдатским полком, капитан Приклонский – при нем в должности подполковника, а поручики Сверчков, Степан Сомов да Леонтий Галатов стали батальонными командирами. Роты, соответственно, возглавили сержанты Иван Чеботаев и Иван Фролов, капрал Пушин, ефрейтор Яков Константинов, фузелеры Василий Безсолицын, Исай Копенев, Зот Чердынцев и Иван Семенов да другие старые солдаты. Большая часть офицеров и солдат являлись гвардейцами, а значит, подготовленными как минимум на одну-две ступени выше своих бывших штатных должностей. Артиллерию Лихарев поручил бомбардирам Митрию Губанову и Андреяну Скородумову. Первому – пушки, второму – мортиры. При них батарейными командирами канониры Перфилий Гребенщиков, Семен Глазунов, Ерофей Соловьев, Андрей Короваев и Петр Калинин. Для отправления треб при отряде – дьяк и два подъячих.

* * *

Зима с 1719 на 1720 год ушла у Лихарева на снаряжение экспедиции. Несмотря на многочисленные письма царю, в Сенат, новому сибирскому губернатору князю Черкасскому, в Военную, Адмиралтейскую и другие коллегии, оружие, снаряжение и другие припасы поступали слишком медленно. Сказывались огромные расстояния и плохие дороги.

За год проживания в Тобольске Лихарев собрал немало сведений и о джунгарском золоте, и о городе Яркенде. Гвардии майор уже точно знал, что от истоков Иртыша никакого водяного хода к «городку Эркети» нет, но не выполнить царский приказ он не мог.

Фактически присвоив себе губернаторские полномочия, Лихарев отправил в Джунгарию посольство во главе с Иваном Чередовым. Тот вез с собой послание Лихарева, с требованием наказать виновных за нападение на отряд Бухгольца. Кроме этого Лихарев в самой категоричной форме требовал возвратить захваченных пленных, казну, лошадей, а также не препятствовать русским экспедициям в поисках руд и строительстве приграничных крепостей.

Посольство добралось до Урги, где находился тогда Цыван-Рабдан, к октябрю. В столице Джунгарии российских посланников встретили предельно сурово, так, как встречали посланников с Руси во времена Золотой Орды, привозивших ясак и кланчивших ярлыки на княжение. Чередова хунтайджи так и не принял, а затем посланника и его людей «поставили на чистой степи, на безводном и бездровном месте», то есть фактически выгнали из города, что считалось большим неуважением. Кроме этого Хунтайджи велел окружить посольскую юрту охраной и никого никуда не выпускать. При этом караульные время от времени избивали членов посольства, отбирали у них личные вещи, а также приводили к русскому лагерю взятых под Ямышевом пленных и жестоко мучили их на глазах посла. Налицо была стремление Цыван-

Рабдана оказать психологическое воздействие на членов посольства. Увы, хунтайджи не мог взять в толк, что от Чередова в большой политике ровным счетом ничего не зависело, он был всего лишь передаточным звеном. Трудно сказать, чем бы все это закончилось, но ситуация внезапно переменялась.

Пока Лихарев писал протоколы допросов с тобольских чиновников, а Иван Чередов терпел притеснения, Джунгарское ханство попало в большую беду. Дело в том, что, уверовав после разорения Ямышевской крепости в свою удачу, Цыван-Рабдан необдуманно начал войну с Китаем за степи Халхи, что располагались к северу от пустыни Гоби. Однако вместо побед джунгары теперь терпели одно поражение за другим. Непокойно стало и в захваченном недавно Тибете. Ко всему прочему начались и набеги со стороны казахов. Именно опасность большой войны на три фронта и заставила Цыван-Рабдана резко изменить отношение к России.

В конце ноября 1720 года несчастного Ивана Чередова вызвали к хунтайджи. Бедняга шел туда, не зная, что его ждет, изгнание или плаха. Но все вышло иначе. Хунтайджи встретил российского посланника с распростертыми объятьями. Куда делось бывшее высокомерие и надменность! Хунтайджи наигранно сокрушался, почему русский посланник такой худой и так обносился, врал, что ничего о притеснениях не знал, и обещал наказать виновных. После этого отношение к посольству резко переменялось. Отныне джунгарские чиновники принялись исправно снабжать послов продовольствием и оказывать всевозможные знаки внимания и почтения. Отныне встречи Чередова с хунтайджи происходили уже почти ежедневно. Во время этих встреч Цыван-Рабдан не уставал уверять посла, что граница между Россией и Джунгарией должна проходить по реке Омь, и жаловался:

– Ныне на меня восстал китайской царь, утверждая, что ныне он всем царям на земле царь, а потому прошу я, чтобы ваш царь не дал меня царю китайскому в обиду!

Чередов всякий раз обещал непременно просьбу властителя Джунгарии своему государю передать.

– О, я был бы очень благодарен за любую помощь! – довольно цоцкал языком и шурил и без того узкие глаза Цывин-Рабдан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.